

СЕРГЕЙ
ДРОФЕНКО
СТИХОТВОРЕНИЯ

СЕРГЕЙ
ДРОФЕНКО
СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1985

ББК 84.Р7
Д 75

Художник Федор Меркулов

Д $\frac{4702010200-207}{083(02)-85}$ 175—85

© Издательство «Советский
писатель», 1985 г.

ГЛЯДЯ НА ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

У поэта Сергея Дрофенко издано всего три книги. Одна — «Обращение к маю» (в 1966 году) — при жизни. Еще две посмертно (в 1972 году) — «Избранная лирика» и «Зимнее солнце». Общий тираж их — 50 тысяч экземпляров. Да, конечно же были и циклы, и подборки стихотворений в журналах и альманахах тех недолгих лет, когда он работал в литературе, и все же... Не маловато ли? — спросит иной знаток литературы. И не издавали больше десяти лет, и критики почти что не упоминают — не заросло ли на суровой и необъятной литературной ниве еще одно поэтическое имя травой забвения?

Знаю, не Сергей Дрофенко виноват в создании этой (объективно) несколько печальной картины. Скорее мы, близкие ему люди, бурно и болезненно пережив его ранний и несправедливо жестокий уход из жизни, как-то очень уж беспечно относились к судьбе его произведений, проявили мало заинтересованности в том, чтобы за последнее десятилетие вышли (и не раз!) его лирические книги. А ведь необходимость в них есть: поэт хорошо помнят люди самых разных поколений — те, кто были его современниками. А нынешние молодые и юные живо интересуются его личностью и творчеством, — хотя достать книги Сергея Дрофенко сейчас весьма пелегкѡ. Нам, коротко знавшим его, приходится отвечать на многие вопросы, порою развеивать бытующие в среде новой литературной поросли легенды...

Есть живая память о поэте, значит, есть необходимость вернуться к его образу, к его стихам.

Летом 1988 года, пожалуй, только лишь журнал «Юность» отметил 50-летие со дня рождения поэта: опубликованы были несколько стихотворений рядом с взволнованным предисловием. Но это было скорее эссе, сгусток эмоций, — по-моему, читатели молодежного,

журнала получили мало информации о поэте, имя которого не так уж часто встречается в наши дни.

«Я должен написать о нем», — с укором для себя вспоминаю строчку Сергея. Попробую написать о нем...

Середина пятидесятых. Факультет журналистики МГУ. Амфитеатр 16-й аудитории заполнен, как в то время трибуны стадионов. Но на кафедре — не седовласый профессор или рано лысеющий аспирант. Сменяя друг друга, занимают ее наши третьекурсники. Они читают стихи. Они — поэты, о которых уже говорят в Москве, которых многие хотят услышать, — не потому ли среди нас видятся незнакомые лица?

Поэты, которые выступают, не намного старше нас, но мы глядим на них почти как на небожителей. Прихрамывая, идет к кафедре элегантный Евгений Коршунов (по стенам длинного нашего коридора на многие метры «разверстана» его поэма «Иринка», и девушки выписывают из нее что-то в блокнотики); на кафедру взлетает Юрий Апенченко — тонколицый, с горячим взглядом (я и сейчас считаю, что он был самым ярким среди них — тогда); степенно обживает кафедру Игорь Дедков, — читая стихи, он то рукой, то движением головы отбрасывает чуб со лба; возникает на кафедре аскетического вида Анатолий Горюшкин: нравятся его легкая картавость и странные, то рифмующиеся, то нет, строки... Потом на кафедре Сергей Дрофенко...

Выступающих бывало, конечно, больше — но эти пятеро выделялись, и недаром. Потом все они, начав с работы в редакциях самого различного ранга — от районных до столичных, стали довольно известными литераторами, некоторые — членами Союза писателей. Евг. Коршунов — автор приключенческих книг на международные темы, И. Дедков — уважаемый критик и литературовед, Ю. Апенченко — известный публицист, А. Горюшкин — переводчик, автор популярных песен и недавно вышедшей поэтической книги...

Сергей Дрофенко из этой «великолепной пятерки» один преданно и последовательно пошел искать свою дорогу в поэзию. Ничуть не обижая остальных, по разным причинам избравших другие виды словесности и придававших мало значения публикациям в прессе, я хочу сказать, что, мучительно и трудно работая, отчаяваясь и на-

чая заново, он искал пути к читателю, хотел быть услышанным, понятым, изданным.

Почему в моей памяти он плохо запечатлен на той высокой кафедре? То ли в других наших тогдашних кумирах было больше osobинки, характерности, то ли стихи Сергея казались немного традиционными... Вернее всего то, что впоследствии мы дружили, бывали порою неразлучны — и новые впечатления налегали на те, старые, на то время, когда сидели мы, первокурсники, благоговейно внимая действу, творящемуся в нашей аудитории...

Но и наша восторженность не осталась втуне. Ведь рядом со мною сидел и слушал стихи известный ныне прозаик Гарий Немченко, а неподалеку от нас — будущий автор «Альтиста Данилова» Владимир Орлов... Ведь на нашем молодом факультете от самых старших — Владимира Чивилихина, Валерия Осипова, Дмитрия Голубкова — пошла пусть не массовая, но эстафета: из журналистики в литературу. Немало наших выпускников не без успеха приняли в ней участие. Не только студенческие объединения и общий дух многократно усилившегося тогда интереса к литературе, поддержанный в нас лучшими преподавателями, рождали во многих студентах желание попробовать свои силы в более высоких жанрах. Мы шли по лестницам, ступеней которых касались ноги Пушкина, сидели у небольших окон, сквозь которые бросал взгляд на прохожих Лермонтов...

Поэзии не научишь. Но становлению поэта способствует или мешает буквально все. Многое в жизни для Сергея складывалось так, что с детства могло стать частью судьбы поэта. То есть судьба есть у каждого, но не зря ведь бытует уничтожительное в творческой среде мнение: «писатель без судьбы»!

Сергей Дроffenко родился в начале тридцатых годов на Украине, в сознательном уже детстве разделил вместе с родными тяготы военных лет, учился потом в московской школе, перенес опасную болезнь... Послевоенная бедность нашего быта, наше раннее повзреление, самостоятельная жизнь в гулких дворах и на соседних бульварах — конечно же наши детство и юность не похожи на нынешние!

Но этого казалось мало. Да так оно и было. Еще не кончив

университета, иные начали это остро ощущать. А ведь все прошли запланированные практики на заводах, в совхозах, попробовали свои силы в районной и областной печати и кое-кто уже выполнял задания центральных газет и журналов. Я вспоминаю нашу, прямо скажем, насыщенную студенческую жизнь и сейчас почти не могу себе представить, как это мне удалось еще поработать на целине, на виноградуниках Анапы, в дальней геологической партии разнорабочим? Вонстину, юность не удержиима!

Сергею Дрофенко состояние здоровья не позволяло столь яростно вторгаться в жизнь. Окончив университет, он был распределен на радио, в литературную редакцию. Его друзья и однокашники попросились на Сахалин. Как-то резко повернул свою судьбу мой однокурсник Гарий Немченко — отказался от довольно интересных предложений в Москве и поехал на стройку нового металлургического комбината. Я, помню, долго отговаривал его, разворачивалась целая семейная драма, но Гарий каким-то шестым чувством предвидел, что пребывание на грандиозной, новаторской по подходу к делу стройке Западно-Сибирского металлургического комплекса — от первых колышков до первых плавов — даст ему как будущему писателю материал для книг и раздумий на много лет. . .

Именно туда, на границу тайги и продутой ветрами степи, где рядом с пятиэтажками стали вырастать корпуса завода-гиганта, пришла мне идея отправить Сергея Дрофенко. Он как-то совсем осунулся, изнервничался. Стихи, как говорится, не шли. Ему, что ли, не хватало кислорода иной жизни, которой все мы хоть немного коснулись — в геологии, на целине, на строительстве новых предприятий. И вот Гарий Немченко — тогда уже редактор многотиражной газеты «Металлургстрой», кстати, уважаемой в соседнем городе Новокузнецке, согласился принять по моей рекомендации мало ему знакомого человека, и Сергей укатил в далекую Сибирь.

Есть расхожее мнение, что в запсибовском цикле С. Дрофенко нет подлинных удач, что это стихи репортажные, газетные, то есть однодневки. Дескать, не сделал автор заметного броска вперед, ну, может быть, набил руку, стал писать более профессионально. . .

Да, стих Сергея заметно окреп. Но за сибирскими его стихотворениями мне видится значительно большее: у него резко изме-

нился взгляд на мир, как-то расширился, включил в свой круг много больше. Не скажу, что раньше этот взгляд был узок: было о чем сказать молодому поэту — война, оккупация, послевоенная Москва, студенчество, первая любовь. Но это как-то сильно замыкалось на собственное «я», а после Сибири получило больший, широкий выход к людям. Характерны строки:

Нет,
         нисколько надежд не питал,
         что пишу на века репортажи.
         Только радость причастности —   та же!
         Руды плавятся.   Льется металл. . .

Вот эту радость причастности к большой и нужной работе и познал Сергей на Запсибе. Радость причастности к общей победе многих людей в тяжелейших природных условиях. Он и вернулся каким-то другим — повзрослевшим душевно. Думается, что его работа на стройке, его не претендующие на многое стихи тех лет были как раз той духовной деятельностью, которая подготовила последнюю книгу поэта «Зимнее солнце», принесшую ему при жизни (в отдельных публикациях) подлинный успех.

Это вовсе не значит, что первый сборник Сергея Дрофенко «Обращение к маю» был пробой пера. Наоборот, это была сильная, зрелая, замеченная книга. Но «Зимнее солнце» показало иную творческую ступень в развитии личности автора, дало понять о его иных возможностях. Да простят меня за несколько примитивное сопоставление, но ведь каждый из нас испытал такое: вот лег он спать вчера сырой осенней ночью, а утром подошел к окну — и увидел первый зимний день: все чисто, бело, соразмерно, удивительно, неожиданно — высоко и далеко видать! То ли вздох счастья, то ли восклицание удивления невольно вырываются из груди. . .

Так, через два года прочитав посмертную книгу Сергея Дрофенко, даже те, кто хорошо был осведомлен о последних работах поэта, просто ахнули: кого мы потеряли! Сборничек этот потряс, обрадовал и огорчил — зачем он последний, поздний, запоздалый. . . Честное слово, ахнули: какое «Зимнее солнце»! . . .

Сергей Дрофенко был веселым, добрым, уступчивым человеком — только не там, где вопрос касался дела его жизни, которое он делал «бескорыстно, как мог». «Поэзия — мое окно в мир чистоты и чести!» — вот его девиз, и не раз всякого рода бездари и дельцы от литературы натывались на его решительное неприятие их, с позволения сказать, произведений. Несколько лет, уехав с Запсиба, Сергей заведовал отделом поэзии журнала «Юность». В отделе и сейчас — на стене его фотография. Это о многом говорит.

На смерть поэта Сергея Дрофенко было написано очень много стихов — и в столице, и в провинции, знаменитыми поэтами и начинающими. Может быть, со времен кончины Сергея Есенина не было такого мемориала, такого поэтического прощания.

В день, когда Сергея не стало, мы столкнулись с ним в Доме литераторов. Я был чем-то крайне расстроен, и он это заметил. Когда мы расходились, он как-то особенно хорошо улыбнулся мне вслед и сказал:

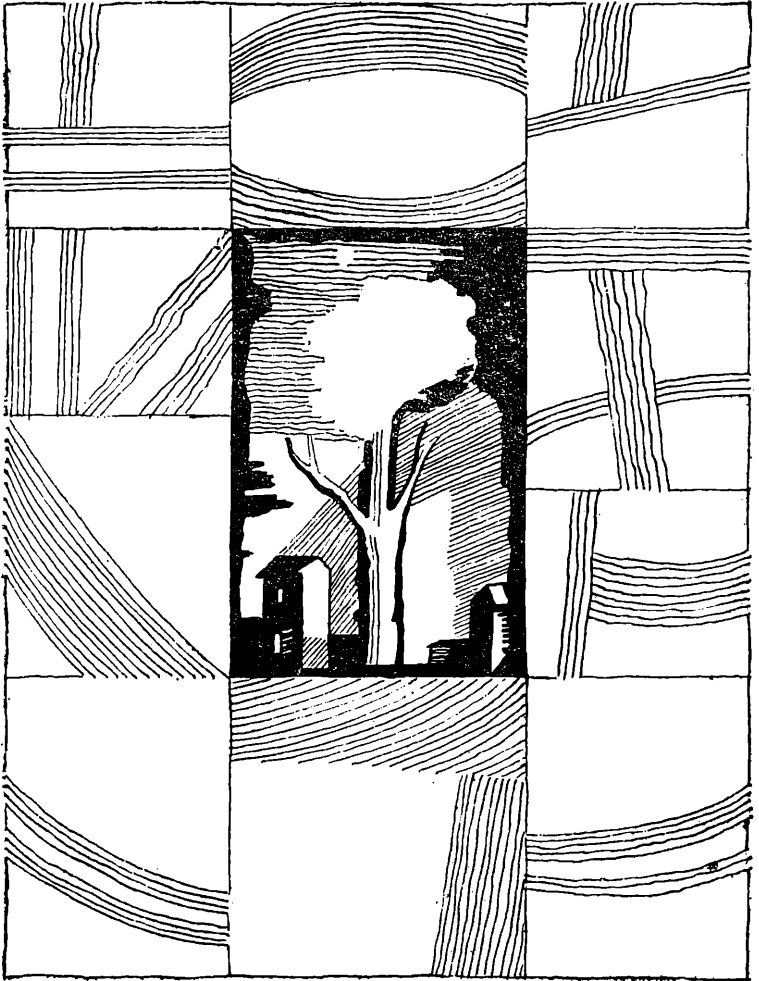
— Не грусти!

А я вот, Сережа, все грущу. Скоро уж пятнадцать лет, — как и все, кто знал тебя и любил. Выход этой книги да продлит нашу грусть, ибо это память о тебе. Я верю, что этот итоговый труд твоей жизни вызовет немалый интерес и у читателей, и у литературоведов, поэтому мало касался в этой статье твоих стихотворений — больше писал о тебе, о жизни нашей в теперь уже давние годы.

Вот короткое слово о Сергее Дрофенко — поэте и человеке. О нем еще скажут, и не раз. Этот час подлинного признания придет, — а ему-то, Поэту, ведь несважно, быстро или медленно теперь течет река времени. . .

Олег Дмитриев

ЗИМНЕЕ
СОЛНЦЕ
СТИХИ
1966-1970

* * *

Начинался быт
без кастрюль и плошек,
вешалок и ложек,
ведер и корыт.

Зелен, свеж и юн,
расправляя плечи,
сто берез, как свечи,
выставил июнь.

Начинался ритм —
шум ветров по роще.
Не листву полощет —
ворох пыльных рифм.

Начиналось Я:
Голос, Слух и Зренье —
составные звенья,
части бытия.

Тайна и режим
воздуха и тверди,
с малых лет до смерти
вам принадлежим.

* * *

Когда я вернулся домой,
припомнилось: пахло свечами,
сырыми дровами, зимой,
бессвязные речи звучали.
Взаимная жажда добра
надежно служила застолью,
и елка росла из ведра
с водой и поваренной солью.
Зеленое чудо ее
проникло как будто без цели
в случайное наше жильё,
где мы веселились и пели,
где мы тосковали о том,
что вскоре расстаться придется,
что кто-то в бревенчатый дом
обратно уже не вернется.
Хотели мы в общей судьбе
удач на стезе нашей тесной
и жизни желали себе
хотя бы недолгой, но честной.
И думали мы об одном
в ночи над приятельской чашей:
о снеге за черным окном,
о вьюгах над родиной нашей. . .

ОБЪЯСНЕНИЕ

Почему ты мне снишься десятый год?
Разве были когда-нибудь мы близки?
Весны с треском ломают на реках лед,
Зимы снежных широт холодят виски.

Время движется скоро, а я ему —
пусть бы даже и думал о том — не враг.
Почему же ты снишься мне, почему
входишь в комнату, отодвигая мрак?
Так однажды, больничный надев халат,
когда смерть была рядом, явилась ты,
прошептала, что дело пойдет на лад,
вернулась душа из-за той черты,
за которой забвение...

Память мне
возвращает тебя из минувших дней.
Почему воскресает она во сне?
Почему ты ночами хозяйка в ней?
Я любил тебя миг и сто тысяч лет.
Ветви наших лесов шелестят листвою.
На забытые письма ответа нет.
Остается скитанье и образ твой.
Это он возникает в моих ночах,
в сновиденьях счастливых из года в год,
в торопливых, бессвязных моих речах,
предваряющих утро, рассвет, восход.
Как от смерти отсроченной, огради
от корысти и зла, суеты, тщеты.
... Засыпаю опять на твоей груди.
Ясно слышу, как в сумерках дышишь ты.

* * *

Все начало зимы возвещает.
Листья падают в этом краю.
И не греет, а лишь освещает
солнце старую крышу мою.

По ночам подбирается холод,
на оконное дышит стекло.

Собирайся-ка исподволь в город.
Наше время с тобой истекло.

Да оно лишь отчасти и наше.
Неотвязны дела и дела.
Жаль, что зори тоскливей и краше
и окрестность в тумане бела.

Не могу на нее наглядеться.
Календарь свои сроки берет.
Так однажды окончилось детство.
Так и жизнь, когда выйдет черед...

В ЯНВАРЕ

Е. Аксельрод

Летел, летел поспешный снег,
за окнами клубилась вьюга.
Я вспоминал свой краткий век,
лицо любимой, голос друга.
Я ждал, что выглянет вот-вот
светило зимнее из тучи,
и минет этот трудный год,
и наступивший будет лучше.
И разом все пойдет на лад,
и свет у тьмы ответа спросит,
едва холодный свой наряд
безмолвный лес однажды сбросит.
Но снег летит сегодня вновь,
и веет силою начальной
к России давняя любовь
и к женщине моей печальной.

И жизнь осталась жизнью той,
сравнимой лишь с дыханьем моря,
и чистотой, и высотой,
и тайным произволом горя...

ВОСПОМИНАНИЕ О ШКОЛЕ

Я проезжал мимо школы моей.
Чем-то утраченным память смущали
и тротуар в этот миг освещали
свет из подъезда и свет фонарей.

Боже, но как бесконечно давно
все это было — учебники, школа,
ритм рок-н-ролла и ритм баскетбола,
бедность, трофейные ленты кино.

Нас не тянуло в ту пору к стиху.
Мы имена вырезали на парте.
Это потом мне запомнилась в марте
Трубная площадь в дождливом снегу.

Это впоследствии выдался срок
споров и мыслей, оставшихся с нами,
зимних ночей с беспокойными снами,
первых потерь и рифмованных строк.

Это со временем служба и дом
в жизни заметное заняли место,
не откликаясь на чувство протеста
в сердце, томимом бессильным стыдом.

Школа склоняла к добру и любви.
Как же осмелюсь на школу пенять я?!

Жаль, что прекрасные эти понятия
столь непригодны порой меж людьми.

Школа твердила, что творчество нам
свыше дано, как божественный подвиг.
С пачкой рубликов, желанных и подлых,
я уже чужд тем былым временам.

Школа, ты школила сердце мое
в духе безгрешности и постоянства.
Я восставал и в ночное пространство
с женщиной мчался, бросая жильё.

Я проезжал мимо школы моей,
все забывая преступно и свято.
Даль моих лет была скомкана, смята,
Мне оставался лишь свет фонарей.

Он превращался несмело в зарю.
Где-то на Рижском гремели вагоны.
Слышишь, за догмы твои, за каноны
благодарю тебя, благодарю. . .

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Старые улицы Замоскворечья.
Особняки.
Арки, ворота, жильё человечье,
Близость реки.

Вот я брожу по твоим переулкам.
Лязгнул засов.
Тянет меня к музыкальным шкатулкам,
бою часов.

Пусть покричит перед боем кукушка,
скроется прочь.
Рядом помолится богу старушка,
Спустится ночь.

Есть еще камни, калитки, заборы.
Держитесь вы,
скверы, скворечни, подвалы. соборы,
иной Москвы.

* * *

Медлительны и нелюдимы,
по взбудораженной реке,
сшибаясь, проплывают льдины
и исчезают вдалеке.

Мир тонет в гомоне и гаме,
и видно в полдень голубой,
что не река под берегами,
а берега плывут с тобой.

Припомнились былые годы,
и всплыли, как обрывки сна,
апрель, раскаты ледохода,
иная, южная весна.

Края ребяческой отрады,
неискушенной жизни час,
благословенные утраты,
лишь в детстве ранящие нас.

Чего не вспомнишь в ясный полдень,
когда уходят холода,

и сам ты новизной наполнен,
как эта быстрая вода.

Стою один. Смеюсь и плачу.
Встречаю облака полет.
И вновь волнения не прячу.
как гибели не прячет лед.

* * *

Полуночищает возраст.
Засиделся у тоски.
Не влетит случайный возглас,
речь трамвая, крик такси.

Есть в возможностях свободы
неотъемлемая честь —
перелистанные годы
от начала перечесть.

Сердцу видится ребенок
в ореоле малых лет.
По ночам о погребенных
у него раздумий нет.

Государство, государствуй!
Я солдат в твоём бою.
Благодарствуй, благодарствуй
за бессонницу мою.

Где ты, мальчик черноглазый,
образ пройденного дня?
Отзовись единой фразой,
непохожий на меня.

Где твой дальний свет маячит?
Где найду твое тепло?
Майский дождь по-детски плачет,
слезы брызжут на стекло. . .

* * *

Может, счастья и вовсе не будет.
Только пусть, прилетев на заре,
меня птицы веселые будят
и живется друзьям на земле.

Разве это для радости мало:
солнце, море и запах сетей?
Только б годы продлить твои, мама!
Я прошу тебя: ты не седей!

Ничего, что не слышишь ты сына
в громыханье страниц и имен.
Только честность — надежная сила
на изломе великих времен.

И в дыханье их чуткого зноя,
как песок размывает вода;
все минутное, лживое, злое
неуклонно уносят года.

Если будет такое со мною,
встанет тот же забвения мох,
я скажу: свое дело земное
бескорыстно я делал как мог.

Как пленный дух, бушует лето
в тисках Садового кольца.
Мое занятие нелепо
и беспощадно до конца.

В сообществе возможных выгод,
традиционное, оно
мне боль оставило, как выход.
Иного счастья не дано.

Не слышу, как проходят годы,
и свой не удлиняю век,
а слышу, как тоскуют воды
стесненных заморозком рек.

В осенний день, когда распадом
начальным тронута трава,
мне облака приносят на дом
ее прощальные слова.

Природы детские печали —
досуги тайные мои
в той повести, где вы в начале,
людские беды и бои.

Прекрасно, что на этом поле
покой не ластится к жилью.
Лишь слезы радости и боли
над пушкинской строкою лью...

ЛЕТО

Бьют свинцовые буквы по ленте.
Составляется мой гороскоп.
Сочиняю я строки о лете,
утснувшем в быту городском.

Полдень мается в лиственной пряже.
Зной протяжен и труден, как вдох.
Но иным благосклонные пляжи
отпускают спасение в долг.

Ах, счастливыцы! Кофейным загаром
покрывает им солнце бока.
Только я ведь совсем не задаром
не имею такого пока.

Наравне с работающим народом
жизнь такая как раз по плечу.
Тем же самым плачу ей налогом —
расставаньем с природой плачу.

Не завидую баловням лета.
Жду пронзительней день ото дня,
что средь поля цветущего где-то
встретит стая берез и меня.

Пусть не скроют зеленые ветки
от тебя, мой далекий двойник,
как в двадцатом немислимом веке
тосковал я, бывало, о них. . .

* * *

Стучат за лесом поезда,
в ночи осенней спит деревня.
Преображенное пространство
свободно дышит под луной.
Упала близкая звезда.
Едва качаются деревья.
Работа, верность, постоянство
сегодня говорят со мной.

Им вторит быстрый стук колес,
но говорить не стоит быстро.
Пора подумать о дороге,
стремящейся через года.
Качаются стволы берез.
Случайный лист уносит Истра.
Зима почти что на пороге.
Из крана капает вода.

Работа, я счастливым был.
Я знал тебя не понаслышке.
Ты только придавала силы,
когда валила с ног меня.
Попробуй вспомнить ранний пыл,
самоуверенность мальчишки,
скитавшегося по России
до часа своего и дня.

А верность опыту души
прошла пути и перепутья.
А постоянство, чувство долга
в сибирском помогли снегу.
Собака носится в тиши
и громко мнет сухие прутья.
Я незаметен, как иголка
в покрытом инеем снегу.

Пусть так и остается впредь.
Прекрасно время листопада.
Продлитесь, пристальные годы.
На сердце ясно и легко.
Мне нужно слушать и смотреть,
не отводя от жизни взгляда,
дыша могуществом природы,
цветущей где-то далеко. . .

* * *

Не помог семафор бесполезный.
Рано вторглись в мой узкий мирок
век железный и ветер железный
по откосам железных дорог.

Вот прошли уже долгие годы,
и опять по знакомым следам
под вокзальные черные своды
прихожу я к ночным поездам.

Изменились платформы, вагоны.
В резком свете заметны верней
на шинелях солдатских погоны,
сапоги деревенских парней.

Суетясь и шумя, как на рынке,
с бою жесткие полки берет
рассудительной русской глубинки
веком сорванный с места народ.

Телогрейки, платки, полушубки.
На судьбу не привыкли пенять.

Полуругань, а то полшутки.
Кто куда — невозможно понять.

В суматохе ребяческий лепет
и случайная песня слышна...
А Россия все едет и едет.
Все мечтает доехать она.

* * *

Капель падет на подоконник,
по ржавой жести полоснет.
Забрешут псы. Проскачет конник.
Звезда печальная блеснет.
Дорога озарится светом.
Вздохнет земли набухший пласт.
И вечность станет спорить с веком.
И тяжба ничего не даст.
Но всадник тороплив и молод,
и ночь апрельская бела,
и обречен был зимний холод,
когда еще метель мела.
Тьму половодье подхватило.
Ему конца и края нет.
Гори, далекое светило,
звезда тревожных наших лет!
Влеку, пустынная дорога,
на зов неведомого дня
меня — от моего порога,
ловца удачи — от меня!
Поспешный конь его, как в сказке,
со смехом мчится над рекой.

Я не участник в этой скачке.
Я помашу ему рукой.
Прислушаюсь, усердный школьник,
как, разбивая острый лед,
капель падет на подоконник
и смолкнет всадника полет. . .

* * *

Однозвучно поет тишина,
и поселок и лес убаюкав.
Слава богу, что ночь лишена
посторонних обыденных звуков.
Тишина монотонно поет.
Это пенье на проводах лета —
словно мирный, неспешный полет
уходящего вдаль самолета.
Я прислушаюсь. Сяду за стол.
Холод листья сметает в овраги.
Хорошо, что меня он застал
с первой строчкой на чистой бумаге.
С первой строчки и с первого дня —
все впервые.
И эта свобода
угнетает, как прежде, меня
на исходе печального года.
Я замечу, как чахнет трава,
как по осени мать постарела,
как о жизни простые слова
обступают меня то и дело.
Снова в воздухе пахнет зимой.
Звезды медленно падают с неба.
И послок заброшенный мой
спит в предчувствии первого снега. . .

ПРАЗДНИКИ

Ю. Ряшенцеву

Пришла прекрасная пора.
Настали праздники. Ура!
Сын Алексей кричит «Уа!»
в восторге.
Луна восходит по ночам,
желта, как квашеный кочан,
и недоступны москвичам
«Мосторги».

В быту заметен перелом.
Обивкой манит поролон.
Журналом неким полонен,
ты дремлешь.
Ревет будильник петухом,
но и его во сне глухом
ты как-то пополам с грехом
приемлешь.

Потом к тебе заходит гость
и шапку вешает на гвоздь
и новостей сырую гроздь
туда же.
Он говорит уже года.
Речь льется ровно, как вода.
Сегодня видел он «Всегда
в продаже».

Потом, питомец резвых муз,
ты пробуешь домашний мусс
и святостью семейных уз
гордишься.

На подвиг божия раба
зовет архангела труба.
Сегодня ты и для труда
годишься.

Спасибо, праздники, за дни,
когда в дому, почти одни,
мы теплим давние огни
надежды.
Забыт курсив, забыт петит.
Ликует хищный аппетит,
и сон угодливо летит
на вежды.

Но яркий цвет календаря,
часы беспечности даря,
как нашей юности заря,
не вечен.
И, словно пушечной пальбой,
ты оглушен своей судьбой,
ее пристрастьем и мольбой
привечен.

Катают дети снежный ком.
И друг спешит за молоком.
И кто-то верною влеком
конторой.
Один вытачивать винты.
Другой накладывать бинты.
И весело шагаешь ты,
который . . .

ПЕСЕНКА ОБ УХОДЯЩЕМ ТОВАРИЩЕ

О. Д.

По улице пологой,
спеша к себе домой,
осеннюю дорогой
идет товарищ мой.

А до мгновений этих,
плутая в пустяках,
стыдились мы — о детях,
стыдились — о стихах.

В скольжение речи плавном
под шум ночных берез
мы ничего — о главном,
мы ничего — всерьез.

То сахаром, то солью —
беседу вразнойбой
он — со своею болью,
я — со своей судьбой.

Под гнетом нашей фальши,
заботой удручен,
уходит он все дальше,
а мне все ближе он.

И снова, снова, снова
в прощальный этот час
несказанное слово
сопровождает нас...

* * *

Ровесник живет в Костроме,
работает трудно и честно,
а я колесил по стране,
и цель только богу известна.
А я суетился, спешил.
Всегда мне нашептывал дьявол:
«Покинем жилище. Сбежим!»
Летал. Сумасшествовал. Плавал.
В вагоне торчал у окна.
Осенняя пыль моросила.
И всюду встречала одна
тревога, судьба и Россия.
Но кто из нас пользу принес?
Надвинулось время и судит.
Наш век совершался при нас.
Так с нас же и спрошено будет.
Распахнут внезапный простор.
И долго ль в живых оставаться.
А выбор и вовсе простой:
уверовать или сдаваться.
Попробуем в братстве своем
былого держаться зарока.
Хорошую песню споем
«Раскинулось море широко. . .».

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Книга. Первое звено.
Сколько их до смерти будет?
Слишком старое вино.
Никаких страстей не будит.
На обложке берег. Склон.

Даль. Река под небом вьется.
То ли тополь, то ли клен
в майской лихорадке бьется.
Впрочем, может быть, лоза.
Есть еще в придачу фото.
Смотрит смело мне в глаза
на меня похожий кто-то.
Отлетевшие года.
Жизнь. Находки и ошибки.
Ожидание суда.
Самосуд и стук машинки.
Нерушимая стезя.
Добровольные вериги.
Оттого-то и нельзя
сторониться первой книги.

СЛОВА

Пусть будет речь моя тиха,
но все же низводить не надо
обычай русского стиха
до канареечного лада.

В тяжелом марше плотных рот,
когда шумела непогода,
я слышал твердое «народ»
и бесконечное «свобода».

Я помню, помню те слова
и потому по доброй воле
поддерживаю их права
на предпочтительные роли.

СВЯТЫЕ ГОРЫ

Развалины дворянского гнезда.
Здесь Ганнибалы век свой вековали.
Над рощей, где кукушки куковали,
сияет заповедная звезда.
И свет ее по озеру течет
с медлительными лодками, плотами.
Горчащими багряными плодами
устлала землю яблоня-дичок.
И в сумерках вдоль облачной гряды,
смыкая разговорчивые кроны,
дубы широколистые и клены
выстраивают тесные ряды.
Не ритм, в котором трудится родник, —
я слышу частый пульс височной жилки
того, кто здесь бродил по тропам ссылки
в местах уединенных и родных,
кто по ночной дороге на коне,
приглядываясь к перелескам пестрым,
под благодатный кров к тригорским сестрам
спешил навстречу ветру и луне.
От полевых цветов в дому дурман.
Сверчок за печкой песню запекает.
Опальный петербуржец затевает
беспечный и восторженный роман.
Прошло сто лет.
Какой уж это срок!
Два или три недолгих поколенья!..
К услугам экскурсантов «Бакалея».
Не будь же, современник, слишком строг.
Поставь мотор на лодку подвесной,
к святыням приобщаясь по порядку.
Разбей свою двухместную палатку
над Соротью уснувшей, под ветлой.
Смути гитарой горестную тишь,

не вспоминая о господнем даре.
Он так хотел, чтоб знали эти дали,
как ты поешь, целуешь, ешь и спишь.
Но что же делать мне, когда в лугах
глотая я сегодня тот же ветер
и целый век, а не один лишь вечер
грущу об отзвучавших здесь шагах.
По-прежнему свое поет сверчок,
который в старом доме поселился
и в меру сил со всеми веселился.
По-прежнему звучит его смычок.
К чему же самый след карандаша,
когда во мгле шумит прибрежный тальник?
Неторопливых, чуть сентиментальных,
младенческих страстей полна душа.
Душа и слез и радости полна.
В ночном лесу умолкла птичья стая.
В холодном небе августа блистая,
плывет высоко полная луна...

ПОЭТ

П. Антокольскому

Вот снова он встречается нас,
горяч, стремителен и кряжист —
артист, мудрец, великий князь
лесов, полей и книжных княжеств.

Египта каменная мощь,
и скандинавов древних эдда,
и даль морей, и трепет рощ
доступны зрению поэта.

Он проникает сердцем в них.
Они живут в нем без раздора.
Его тетрадь — живой дневник
щедрот вселенского простора.

И я хочу прожить свой век,
как прожил он, смеясь и плача
всем жаром строк, всей дрожью вен,
от жизни ничего не пряча.

И так же встретить свой закат,
и так же на лице по праву
нести торжественный загар
времен высоких и кровавых. . .

В КОНЦЕ ВЕСНЫ

В конце весны, в начале лета
приеду, если суждено,
к могиле русского поэта,
умершего не так давно.

Услышу, как победоносно
при свете резком и прямом
шумят кладбищенские сосны
и свищут птицы над холмом.

И память уведет по следу,
и взору явится поэт

и поведет со мной беседу,
которой окончания нет.

В конце весны, в начале лета,
в часы затишья рощ и рек
студенту университета
он две тетради даст навек.

Изменяются друзья, привычки.
Утихнет юношеский пыл.
Но крик вечерней электрички
все будет тем, чем прежде был.

Сойдут на нет большие сроки,
но, верный прежнему огню,
посмертно изданные строки
я в первом чтенье сохранию.

ГОРА

Идут по морям корабли.
В одежде они или голы —
идут по земле короли,
затмившие якобы горы.

Бывает такая пора,
когда, поменявшись ролями,
в безвестность уходит гора,
а время пестрит королями.

Твердеет земная кора.
Из недр ее пышет жарища.

И снова приходит гора
союзницей в наше жилище.

Не яхтой по зеркалу вод,
не властью, что слабых манила, —
пришла она девочкой.

Вот!

— Как звать тебя? —

Шепчет:

— Марина...

* * *

Гоголь сжигает тетради.
Близится дело к концу.
Длинные черные пряди
слепо текут по лицу.

Едкое веянье гари.
Время надежд истекло.
Адские рыла и хари
смотрят в ночное стекло.

Скройся, бесовская свита!
Гоголь стучит кочергой.
Пламя подхвачено, взвито
лютой февральской пургой.

А над снегами России
тени казненных парят.
Где же вы, души живые?
«Мертвые души» горят.

Кроткое племя Христово
спит под шипенье бумаг
в особняке у Толстого,
ближних и дальних домах. . .

* * *

Живописец тщедушный с бородкой,
что сулит тебе век твой короткий,
твой болезненный мозг?
Вот и встретились наши дороги.
И опять ты стоишь на пороге,
новоявленный Босх.

И жена твоя верная рядом
словно сладким отравлена ядом,
адам обожжена.
Достает из клеенчатой сумки
своего властелина рисунки
хлопотунья жена.

Я к глазам подношу их поближе.
Это все уже было в Париже.
Это делал Сера.
Есть в запасе и нечто другое.
Только это ведь графика Гойи.
Разобраться пора.

Где твои, живописец, находки?
Независимой гордой походки
слишком мало, мой друг,
для того, кто с улыбкой презренье

захотел бы вовлечь мое зренье
в некий замкнутый круг.

А душа твоя сохнет и чахнет.
И так страшно провинцией пахнет
от любого листа.
Но внушает мне девочка с жаром,
что отмечен ты истинным даром.
Ее совесть чиста. . .

ЭСТРАДА

На закате, на рассвете
репродуктор с высоты:
«Ты милее всех на свете,
королева красоты!»
Что за дьявольская сила?
Что за идольская спесь?
Неужели так красива
эта клюква, эта смесь
откровений графомана
с тягой к верному рублю?
Может, сдуру или спьяну
я все это полюблю?
Может, заработка ради
я скопирую слова
и однажды на эстраде
предъявлю свои права,
закачу такие трюки,
нарочу таких калек,
что падут безвольно руки
у завистливых коллег?

Мне ни холодно, ни жарко.
Бойким не на что пенять.
Графоманов мне не жалко.
Жаль профессию менять.

О ДОМЕ

У кого из нас был дом?
У меня-то не бывало.
Угол, печка, поддувало —
в это верилось с трудом.
Тишина. Бумага. Стол.
А в душе покой и воля.
Упоительная доля!
Фантастический простор!
Ежедневные дела.
Ежечасные заботы.
Среды, пятницы, субботы —
все одна метла мела.
Встречи с чуждыми людьми.
Разговоры. Пересуды.
Грохот лифтов. Звон посуды.
Пытки родственной любви.
Лишь во сне была видна
где-то за пределом мира
одинокая квартира.
Десять метров. Два окна.
...И позвякивала лира
про иные времена.

* * *

Время к ночи. Солнце село.
В печке тяги больше нет.
И в подушке пахнет сено
вечерами прошлых лет.

Снова здесь тебе не спится.
Омрачаясь и шутя,
запеваешь ты, как птица,
безглагольное дитя.

Рыба, дремлющая в Истре,
вся — литое серебро,
прямо в сердце бьет, как выстрел,
как поэма — под ребро. . .

Но не выверились сроки,
и не обращает май
в независимые строки
лунный свет и песий лай.

* * *

День долог, а ночь коротка.
Не жалят промокшие осы.
В садах моего городка
шумят торопливые грозы.

Пронзительно пахнут цветы
очнувшихся яблонь и вишен.
Над речкой повисли мосты.
Высок самолет и неслышен.

Спокойна земля и чиста.
Ни ран, ни сиротства, ни ссылки.
Под тонкою кожей листа
видны напряженные жилки.

Иначе и жить для чего,
о долге твердить, о призванье,
на свете не видя его —
того городка без названья?..

МЕТЕЛЬ

Затерялись приметы
старых дедовских мест,
тополей силуэты,
тротуар и подъезд.

И дорога от дома
утопает в снегу,
и того, что знакомо,
я узнать не могу.

Не мечтаю о чуде
в этих снежных ночах.
В доме умерли люди,
уступили очаг.

Взрывы резкого смеха,
запах дров и белья.
Лишь минувшего эхо
бродит в стенах жилья.

Биографию рода
в плен берет забытьё,
и заносит природа
снегом дело свое.

Грань ограды литая.
Ничего на пути,
рядом с домом плутая,
не могу я найти.

* * *

Ударили к ночи морозы.
Скрипит под ботинками снег.
И надобна пристальность прозы,
чтоб все описать без помех:
как лепился голубь к карнизу,
как едет на санках дитя,
как дым расстилается книзу,
от ветра в испуге летя,
чернея густыми клоками
на марле январской фаты,
как, лязгая хищно клыками,
голодные бродят коты,
как дальняя звездная карта
некрепким сулит старикам
в трамваях инфаркт миокарда
и липнет железо к рукам.
Я шторы раздвину пошире,
увиджу, что рядом луна.
Наверное, где-то в Кашире
похоже сияет она.

Похожее снежное море.
Похожий безвестный поэт.
И труд. И удача. И горе.
И только спокойствия нет. . .

ИЗ ДНЕВНИКА

Воробей, решителен и весел,
искупался в луже и намок,
а когда хватился, столько весил,
что подняться ввысь уже не мог.
Вкруг него товарищи корпели,
вызволяли друга из беды.
А на землю падали капли,
письма очарованной воды.
Даль переливалась и звенела.
О весне трубили поезда,
И возникла к вечеру Венера,
крупная и яркая звезда.
У лесов особая запарка.
Снова в теплом ветре молодом
прошлогодней зеленью запахло
и землей, ожившей подо льдом.
Чернозем задумался о севе.
И совсем, конечно, неспроста
и снега унылые осели,
и прозрачней стала высота.
Все это негромкие предметы:
солнце, речка, шаткие мостки,
первые весенние приметы,
будущего робкие ростки.
Мне бы только сосны не стихали,
чтобы им шуметь из века в век,
чтобы улыбнулся над стихами
дорогой и добрый человек. . .

* * *

К началу второй мировой
мы в школу еще не ходили.
На станцию по мостовой,
окутанный облаком пыли,
катился ночной грузовик,
подвода с утра грохотала,
как будто по стеклам квартала
хлестало из туч грозových.
Над речкой, у самой воды,
играл отпускник на гитаре,
цвели, задыхаясь, сады,
и низкие птицы летали.
Такая стояла пора.
Неведенье.
Детство.
Жара.
И все-таки эта война,
пусть даже и малою частью,
к несчастью, но также и к счастью,
как главный урок нам дана.
И мы до конца наших лет
запомним тот слипшийся хлеб.

* * *

Сын спокойно спит в своей кровати,
наигравшись с кошкой и конем.
Одеяло синее на вате
замерло, как облако, на нем.

Темнота стоит в оконной нише.
Он еще не знает ничего.

Бережнее, жизнь.
Планета, тише.
Тише, чем дыхание его...

ОКНО

Когда в дому уже темно,
ни зги, ни силуэта,
продолговатое окно —
скупой источник света.

Луна и звезды бьют в стекло,
и снег струится с неба,
и в темной комнате светло
от медленного снега.

И с ближней крыши светит лед,
и посредине ночи
мигает тихий самолет,
на Адлер или Сочи.

Ах, голос мой не так высок,
не так далек, чтоб дали,
чтоб лунный пепел и песок
на строчки оседали.

Но до могилы все равно,
до той привычной вести,
поэзия — мое окно
в мир чистоты и чести.

Я тесный ворот распахну,
в работе взмокший ворот,
и ночью подойду к окну
и погляжу на город.

И от прозрачного окна
и кровель в полудреме
повеет в душу тишина
и растворится в доме...

ЭСКИЗЫ ИЗ ИСТОРИИ

1

Не убивай, Иван, сына!
Не опьяняйся царской силой.
Озлился — дай ему пинка.
Ведь это твой детеныш хилый.
Подумай в миг, когда убьешь,
о муках совести и веры.
Какие ныне подаешь
потомству дальнему примеры?
Как шея белая тонка!
Безжизненно повисли руки.
Не убивай, Иван, сына.
Пусть от него родятся внуки.
Пади!
Прощения проси!
Рыдай по-бабьи, царь московский!
Пусть разнесется по Руси
молва о горести отцовской.
Реши улыбкой малый спор.
Но нет!

Глаза сверкают люто.
А за спиной вострит топор
толковый ученик Малюта.
Вещают с Красного крыльца,
что опочил царевич в бозе.
Лежит —
лишь струйка вдоль лица —
в страдальчески-нелепой позе.
Сознание застлал туман.
Отец и сын.
Так не бывает.
Не убивай сынка, Иван!
Просить напрасно.
Убивает...

2

Вот Петръ.
Усы как у кота.
Трещит боярство под ботфортом.
Так расступись же, мелкота!
Он скачет по Москве с Лефортом.
Беда случайной бороде.
Безумно выкачены зенки.
Его в Немецкой слободе
ждут не дождутся иноземки.
В державе суета сует.
Он мыслит позабыть о Софье.
Сегодня скрипки.
Менуэт.
Вечерний фейерверк и кофе.
Но завтра...
Сроки горячи.
Потешным выдают мундиры.

Трубите звонче, трубачи!
Палите злее, бомбардиры!
Сердечный Франц твердит:
— Зер гут!
— Зер гут! —
орет на верфи Петер.
Близки Полтава и Гангут.
А над Россией ветер.
Ветер.
Война.
Война.
Война.
Война.
Указы он, как звенья, нижет.
Ему балтийская волна
подобострастно ноги лижет.
Полки равняются в струну.
Пропахший орудийным дымом,
свою дремучую страну
Петр беспощадно ставит дыбом.
Он проливает семь потов.
Царево дело непростое.
Но завтра...
Мрак?
Чума?
Потоп?
Как знать,
кто будет на престоле?

3

Ах, небогато бельецо!
Когда с комода пыль сметали?
Мужеподобное лицо

у герцогини из Митавы.
Корона в тридцать семь годов,
И держится на честном слове
не красть и не рубить голов,
не проливать невинной крови.
Согласна помереть вдовой.
От войн оставили бабенку.
Российский скипетр родовой
назначен не ее ребенку.
Да только вспомнит ли слова,
на ветер брошенные к сроку?
Кругом окажется права.
Любое лыко будет в строку.
А там и карканье ворон.
Молчанье висельников синих,
Смутьянов усмирят Бирон.
Гвардейцев успокоит Миних.
Пойдет великий вопль и стон.
Страну постигнут хворь и голод,
Императрице пышный стол
накроют под немецкий гогот.
Не дрогнет жирная губа.
Тверды дворцовые обряды.
И за долги пороть раба
поротно выступят отряды.
Случайно в парке в миг иной
почувствует на тропке узкой
косые взгляды за спиной,
дыханье ненависти русской.
Рассудит часовая ось.
Смерть с головы сшибет корону.
Но перед тем:
— Небось!
— Небось! —
с кровати прохрипит Бирону.

Царь Александр был либерал.
Искусно в молодости правил.
Не он расправу выбирал,
которой был подвергнут Павел,
Учили ловкости юнца
поочередные смотрины
в казармах гатчинских отца
и при дворе Екатерины.
По Невскому гулял один.
С толпою был запанибрата.
Мог поглазеть простолюдин
на государя-демократа.
Сперанский, мыслью одержим
о благоденствии и праве,
по воле царской вел режим
ко всемогуществу и славе.
Уже он обновил фасад.
Еще не растерял азарта.
Казалось, нет пути назад.
Но грянул вызов Бонапарта.
И Александр вступает в бой.
Европу выправкой пленяет.
Он продолжает быть собой.
Но грим обманчивый линяет.
Красавец, северный Парис,
заочный радикал Сорбонны
спешит с гусарами в Париж.
Туда же двинутся Бурбоны.
Еще не позабыт Руссо.
Еще Вольтер ночами снится.
Времен распалось колесо.
Во мрак несется колесница.
Мозг императора как воск.

От добродетелей начальных
остался лишь привычный лоск
ошибок юности печальных.
И малый этот груз вредит.
Молчит сконфуженная Муза.
Ей покровительство претит
главы Священного союза.
Прекраснодушие царя
еще расплывчато-гуманно.
Как петербургская заря,
оно тоскливо и туманно.
Не все оплачены долги,
но разом жизнь со счета снята...
Уже мятежные полки
стоят на площади Сената.

* * *

Я должен написать о нем.
Горя невидимым огнем,
он вкрадчиво стремился к цели,
семью кормил и одевал,
и счастья скромный идеал
был счастьем для него на деле.

Я должен написать о нем.
Он грезил долгожданным днем
успеха и посильной власти.
Он никого не обижал,
был добр и втайне обожал
гастрономические сласти.

Так что же значат честь и долг?
Подумаешь, какой мне толк
себя считать особой костью?

Быть может, в ступе бытия
действительно не он, а я
как раз принадлежу к охвостью?

И зависть жить мне не дает,
когда он песенки поет
и за столом меняет позы.
Но как за три десятка лет
он мог оставить этот след —
в чужих глазах чужие слезы? . .

* * *

Этот порт, этот город приморский
не запомнит на склоне зимы,
как бродили здесь малою горсткой
молодые, влюбленные мы.

Этот ветер сырой и ненастный,
эти спящие в бухте суда
не узнают, что случай прекрасный
нас привел ненадолго сюда.

Не заметят деревья и травы,
как в беспмятстве мартовских дней
без приятелей, денег и славы
нам дышалось ровней и вольней.

За дождями и снегом ненастья,
закрывая глаза, как во сне,
расточительным голосом счастья
пела птица на старой сосне.

Дальней ночью, на грани рассвета,
только выбелит окна мороз,
к нам вернется однажды все это,
оживет и взволнует до слез.

И в причудливом чистом узоре
повторится в неведомый час
бесконечная линия моря,
навсегда породнившего нас...

* * *

Буран свистел на перевале,
А где-то, на краю земли,
Друзья беспечно пировали,
Деревья белые цвели.

В порту мигал огонь на мачте,
Горчило сладкое вино.
Казалось, это было в марте,
А вышло, что давным-давно.

* * *

День завтрашний.
Что может он
пообещать любви бессильной?
Как чист холодный небосклон!
Здесь, над землею изобильной,
шумят и гнутся деревья,
друг к другу простирая руки.
И не передают слова
родившей их счастливой муки.
Непостижимо —
сколько лет
прислушивался я к прибою
и целовал незримый след,

в мечтах оставленный тобою.
И вот теперь пора, пора!
Что ждет нас? Миг разлуки близок.
Но не пополни страшный список
моих потерь, моих утрат!

ЛИСТОПАД

В парке городской больницы
вдоль асфальтовых аллей
протянулись вереницы
кленов, лип и тополей.

Буйство огненного сада.
Солнце желтое висит.
От фасада до фасада
«неотложка» колесит.

Надрываются сирены,
и скрежещут тормоза.
Дикий куст сухой сирени
грустно смотрит мне в глаза.

Тишина стоит в палатах.
Те, кому разрешено,
в теплых байковых халатах
в парк выносят домино.

Краткий полдень ветром теплым
в корпуса вселил уют.
Чтоб прильнуть к больничным стеклам,
обреченные встают.

Смертной вольности отрада —
без сиделок и сестер,
угасая, листопада
видеть дерзостный костер.

Охватить пристрастным взором
сквозь казенное окно
мир пылающий, с которым
попрощался ты давно.

А над кровлями больницы
ветки тонкие дрожат,
светит солнце, выются птицы,
листья в воздухе кружат.

Кто-то рвет повязку немо
в миг агонии со лба.
Осень. Сушь. Земля и небо.
Провидение. Судьба.

* * *

Ночью дождь в окно стучал,
щедро влагу расточал,
бесконечным было благо.
Хорошели деревья,
словно в сказке терема,
чудеса творила влага.

Влажный ветер приникал
к цветникам и парникам,

ветер радостный и свежий,
изгоняя вместе с тем
из моих холодных стен
воздух зимних побережий.

Это было так давно!
А сегодня все равно:
радости или печали.
Ничего я не ищу.
Постою и погрущу
на заснеженном причале.

Что за робкая весна!
Вьюга, белая сосна
и на тротуаре наледь.
За далекую черту
перешел маяк в порту
и не устает сигналить.

Как и в прошлые года,
он зовет к себе суда
на краю пустого мола.
Так же светит красный луч,
но от берега до туч
море сумрачно и голо.

Ничего я не хочу.
Разве рассказать лучу
о моем военном лете
и об улице моей,
удаленной от морей,
разоренной в годы эти?

Лишь по-прежнему к весне
наяву или во сне

остается мне стремиться.
Высь над бухтой глубока.
И уходит в облака
зимняя худая птица...

* * *

Не стерпелось и не слюбилось,
понапрасну надежда билась
глупой птичкой во все углы.
А во всем виновата птичка,
потому что ее привычка —
одинокю бояться мглы.

* * *

И вновь, как юнга с корабля,
при солнце зябком и багровом
открылась мне моя земля
под прохудившимся покровом.
И стала ночь короче дня,
волнение длиннее ночи,
и сладко тяготит меня
привычный скарб житейской ноши.
Так гряньте, сердце веселя,
по крышам с грохотом ударьте,
ночные ветры февраля,
рожденные в соседнем марте!
Меняю стужу на тепло

не́терпеливо и пристрастно.
На подоконник натекло.
И это бедствие прекрасно.
И отражение луча
среди дневного полумрака
в доме пылает, как свеча
в стихах Бориса Пастернака.
И тянет в чащи и поля,
мерещатся соблазны лета.
Ночные ветры февраля
одни ответственные за это.

* * *

Вернуться. В Сибири пожить,
чтоб родичи вовсе забыли,
куда ты исчез. О Сибири
раздольную песню сложить.

Пропасть за Уральским хребтом.
Осесть. Не бросаться словами.
Вставать на рассвете. Дровами
промерзший отапливать дом.

Поддерживать пламя в печи.
Без шума вынашивать строки.
Не метить в любимцы. На стройке
старательно класть кирпичи.

А главное — думать. Азы
усвоить. Вглядеться. Привыкнуть.

Дорогу решительно выгнуть.
Не гнуться, как ветка лозы.

И помнить, что есть баргузин,
Байкала священное море,
что шапка пылает на воре,
который мешков не грузил.

Чтоб ты чью-то душу задел
согласием слов своих плотных,
чтоб песню протяжную плотник
над кружкой портвейна запел. . .

* * *

Сегодня мне снилась Москва
и послевоенные годы,
когда мне без всякой охоты
вдруг выпало стать москвичом,
а я не грустил ни о чем,
тем более что доброхоты
свои облекали слова
в такую обертку, что я
поверил с готовностью сразу
в ходячую старую фразу
о счастье, о том, что успех
в Москве уготован для всех,
о том, что напрасную трассу
в апреле в родные края
избрали сердца моих птиц,
покорные силе пристрастья,
сквозь дождь и метели ненастья
влёкущие стаю домов,

туда, где остался и мой
порог, без успеха и счастья
скрипящий вдали от столиц
и знающий, как я живу,
грущу втихомолку и плачу,
пустую решаю задачу
о собственной странной судьбе,
о детях своих и себе,
все верю в любовь и удачу,
которые, как наяву,
приходят ко мне с каждым сном,
являются снова и снова
услышать ответное слово
души невеселой моей,
но я не потворствую ей,
пусть даже она и готова,
как прежде, болеть об одном. . .
А тучи плывут за окном. . .

ЗИМНИЙ ЛЕС

А. Межирову

Суета и томление духа.
Зимний лес неподвижен и гол.
Не касается мертвого слуха
божества первородный глагол.
Привыкая к изменчивой тверди,
в безотчетном желании жить
боязливо я думал о смерти,
забывал о страдальцах тужить.
Расточал я легко обещанья
и разменивал душу свою

и теперь на ветру обнищанья,
на пороге молчанья стою.
Начинаю по-новому мерить
за плечами оставшийся путь.
Не могу не грустить и не верить
в бытия сокровенную суть.
Понимаю, что прожил убого
три десятка скитальческих лет,
Если нет в мироздании бога,
то и адского хаоса нет.
Принимаю презрение леса,
поневоле смиряюсь с бедой,
словно птица, лишенная веса
и примерзшая к ветке седой.
Не боюсь этих нищенских елок.
В трудный час не бегу от суда.
Есть поблизости добрый поселок.
Мне нельзя торопиться туда.

БУМАГА ДЛЯ ЗАМЕТОК

Л. Завальнюку

Бумага для заметок. А заметки
естественны в преддверии весны.
Вот солнце тихо катится за ветки
мохнатой и насупленной сосны.
Вот лыжник мчится, палками махая.
Пронесся мимо. Наст под ним рычал.
Мелькнула дерзко шапочка лихая.
Кто лыжников похожих не встречал?
Так что же я замечу в эту пору?

Что лес открыт ветрам со всех сторон,
что вьюга с ним опять ввязалась в ссору,
чтоб голым веткам нанести урон?
Я замечаю, что друзья — до срока,
который в жизни выпадет порой,
и не умею осуждать их строго:
изменит первый —
выручит второй.
Трещит моя опора и ограда.
И кое-что пора сдавать в музей!
Но в этом есть и грустная отрада —
я стал спокойней в выборе друзей.
Я тратил годы и узнал их ценность,
Мгновенья тратил.
Сам себе судья!
Вот середина жизни.
Где же цельность?
Где веха?
Где дорога?
Где судьба?
Закреть глаза, увидеть все сквозь веки,
а я лишь грифель на листе крошу...

— Пожалуйста, возьмите эти чеки.
Бумаги для заметок я прошу.

ГОЛОС

Простите меня, если я приносил вам беду.
Я в ад не хочу. Мне приятнее в райском саду
устроиться прочно. Довольно я видел огня.
Простите меня. Если можно, простите меня.

Устроиться в райском, упрочиться в майском саду.
Меня вам не видно, но вы у меня на виду.
А я все безвестней в кругу нашем день ото дня.
Вы позже. Я раньше. Простите. Простите меня.

На небе седьмом я лежу в исполинской траве.
Библейские птицы кружат надо мной в синеве.
Владыка Вселенной ко мне подбежал, семена.
Тоскливое счастье. Я умер. Простите меня.

Прости, черновик. Ты остался без главной строки,
Простите, наставники, юноши и старики.
Вы были заботливы, душу питомца храня.
Простите меня. Если можно, простите меня.

ДАВНИЙ СОН

Выпал снег в начале ноября.
Медленно за окнами светало.
Словно крошки со стола, сметала
тени ночи тихая заря.

Ночью мне приснился дом и сад,
вспомнились затрепанные толки,
на провинциальной барахолке
слышанные двадцать лет назад.

Это детство манит и болит,
вновь и вновь захватывая душу.
Патефон пел песню про Катюшу.
Матерился пьяный инвалид.

Били вора весело и зло,
голосами хрипылыми орали,
по законам голода карали
беженцев голодных ремесло.

Выпал снег задолго до зари.
Улыбайся, утренний прохожий,
на румяных сверстников похожий,
сигарету длинную кури.

Оттепель придет из-за морей,
по местам все заново расставит,
холод солнца зимнего оставит
разве только в памяти моей. . .

* * *

А все, что унесу с собой
под твой, кладбищенская птица,
зеленый куст, звалось судьбой
и никогда не повторится.

Омытый свежей влагой рос,
я больше не вернусь в жилище,
в котором мой ребенок рос.
Он будет искренней и чище.

Здесь рядом, на замшелом пне,
бывало, мы сидели оба.
Его раздумий обо мне
не омрачи, навет и злоба.

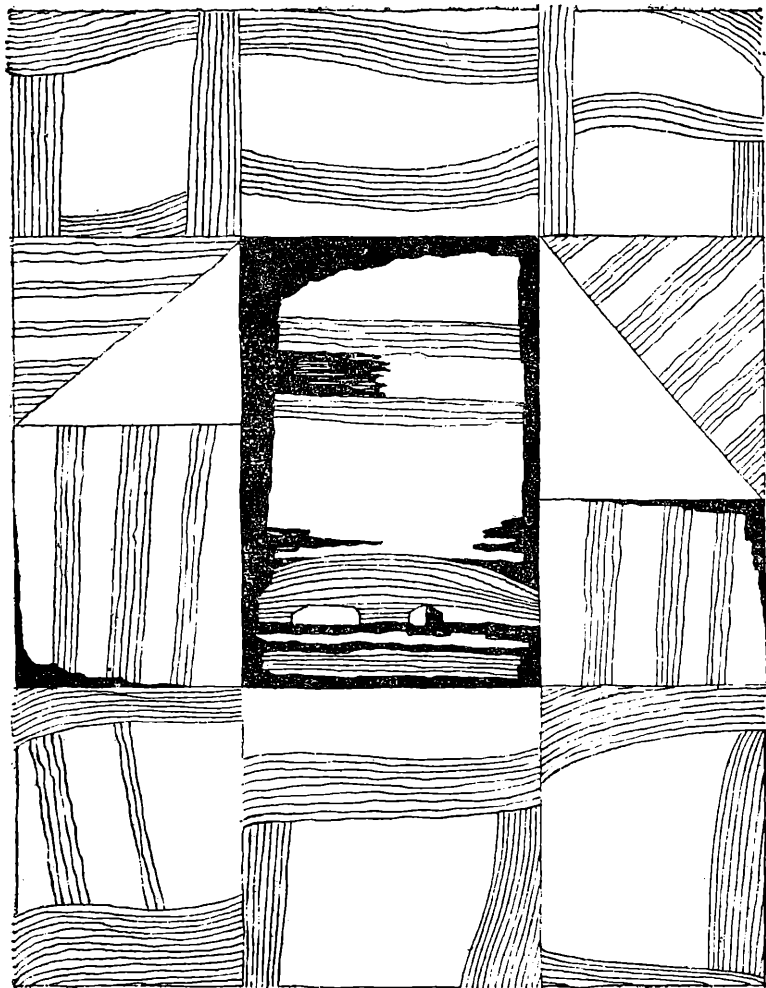

Я снова вспомню явь и сон
и, с чувством радости знакомым,
сюда, во мрак, перенесен,
увиджу свет над нашим домом.

И плача близких стану звать,
благословляя все земное,
а на земле не будут знать,
что под землей сейчас со мною. . .

ЗАПСИБ

СТИХИ
ИЗ ЖУРНАЛИСТСКОГО
БЛОКНОТА
1962

НА ВОСТОК!

Полстраны на колесах.
Пряча детский восторг,
сотни юных, курносых
держат путь на Восток.

Им так хочется старше
быть лихих своих лет.
Комсомольские марши
громыхают им вслед.

На Восток! На Востоке
ждет их множество дел.
На Востоке истоки
наших общих судеб.

Едут юные пары.
До свиданья, родня!
Трудный пафос лопаты
встал на очередь дня.

На Восток! За Саяны.
На Восток! За Байкал.
Жаркой сварки сиянье
ввысь взметнул Абакан.

Мчится юная поросль
за Алтай и в Читу.
Едут вместе и порознь,
настигают мечту.

И, спеша дни и ночи,
от утра до утра
сталь на стыках грохочет,
в окна плещут ветра!

В ДОРОГЕ

В запас из армии уволены,
не сняв погон саперных к сроку,
вчерашние спешили воины
в Сибирь далекую, на стройку.

В руке окурок тощий комкая,
скорей от скуки — не по долгу —
с парнями радио московское
я слушал часто и подолгу.

Мы ежедневно аккуратно,
успев уже умерить голод,
включали строгие куранты,
басили: — С добрым утром, город!

И заводили батальонные
вели истории со смехом.
И мчались елки, убеленные
рассыпчатым январским снегом.

Я ехал жизнь наладить заново
не потому, что был бездомен.

Однажды взор застлало зарево
клокочущих сибирских домен.

Мы их еще поможем выстроить
там, где бурьян лишь мог стелиться.
Должны, обязаны мы выстоять,
не сомневайся в нас, столица!

Придут к нам беды — сладим с бедами.
За друга вступимся стеною.
Шел поезд наш полями белыми,
Иртыш оставив за спиною.

И жизнь текла легко и весело
без сутолоки, без мороки...
И каждый день с утра до вечера
Москву мы слушали в дороге...

ДРУЖБА

Мы не так уж боялись
жары и клеща,
когда ветки летели,
по лицам хлеща,
когда пыль скрежетала
на наших зубах
и ложилась на ворота
наших рубах.
Мы не так уж страшились
бурафов и стуж,
когда снег осыпался
на головы с туч,
когда тонко звенели
в ночи провода,

когда дерзость вела нас,
а с ней правота.
Вещи старых строителей
просит музей.
Пусть мир знает о подвигах
наших друзей.
Ну, а мы-то ведь знали их
лучше других,
потому что
прославили их.
Вот всплывают из мрака
поселка огни.
Разве мы оставались
в несчастье одни?
Разве кто-нибудь вспомнит
из прошлого час,
когда друг оступался
и не было нас?
Приходила беда,
и на помощь он звал.
И тотчас на шоссе
тормозил самосвал.
На обочине не было
поднятых рук.
Просто он тормозил.
— Что печалишься, друг?

ПУТЕУКЛАДЧИК

Я знаю, как ведется путь,
как стынет пот
в кристаллах соли,
как ватник может весить пуд
и как вздуваются мозоли.

Путеукладчик — это дом,
с упрямым, зримым постоянством
перемещаемый в пространстве
расчетом,
дерзостью,
трудом.

Суров его простой уют.
Бывает, что парням грустится,
когда весной вдруг запоют
молчавшие всю зиму птицы.

И день одно,
и год одно.
Всегда торжественно и строго
ложится сталь на полотно —
и в глушь вторгается дорога.

И пусть зимой мороз дерет
и ветер рвет верхушки сосен —
ребята движутся вперед
путеукладчиками весен!

ГИТАРА

Ю. Л.

Новостройка.
Засалены роботы.
Гул столовых.
Весна.
Солнце жжет.
Рвется грунт.
Принимаются роды.

Жизнь торопится.

Время не ждет.

Но ведь можно когда-нибудь в доме,
чуть замедлив столетия бег,
разобраться самим в нашей доле,
отделить свое счастье от бед.

Я неловко его отделяю.

Не умею быть мудрым в судьбе.

Но себя-то я не обеляю,
ничего не прощаю себе.

Я тебе благодарен за то, что
ты живешь, молодой и земной,
и за то, что несет тебе почта
все, что в жизни утеряно мной.

На руках твоих блещет гитара,
и струне отвечает струна.

Заграничная песня «Гитана».

Неприступных красавиц страна.

Переполнены странным блаженством,
при участии скромном моем
мы о сердце таинственном женском,
о загаданной встрече поем.

Навсегда я запомню все это.

И во сне встанут из тьмы
март,

Сибирь,

половодье рассвета,
стройность зданий,

что выстроил ты.

Все испытано.

Холод и голод.

Ты сидишь, говоришь о своем.

А за окнами — юноша-город.

Мы о нем еще песни споем.

Просто спешные здесь не годятся.

Просто речь протоколов слаба.

Слишком многим здесь люди гордятся.
Надо
    верные
        выбрать слова...

НОЧЬ НА ТОМИ

Г. Немченко

Я помню ночь в апреле на Томи.
Чтобы ее вернуть, я много дал бы.
Был ледоход, и размывало дамбы.
Просили мы прораба: — Не томи!

Просили мы скорей открыть проран.
Бульдозерист готов был сделать это.
И крикам нашим отвечало эхо.
И строго на часы смотрел прораб.

А ночь была — невиданная ночь!
Светился месяц, как татарский нож.
И в небе, молчаливы и малы,
горели отдаленные миры.

У берегов шел медленнее лед:
Крошась, шурша, он плыл неодолимо.
И слушала прибрежная долина
реку и диких уток перелет.

Все было необычным по весне:
костры и набуханье первых почек,
и сварщиков на дамбе ровный почерк,
и краны, что застыли в полусне.

Но вот бульдозер режет первый слой,
а в паводок достаточно и первого.

И слышен хриплый рев потока пенного.
И мы глядим на труд нелегкий свой.

Какая ночь стояла на Томи!
Мне говорил мой друг: — Не утони, —
когда в реку входили, а потом
ловили рыбу ветхим черпаком.

Нам ноги лютым холодом свело.
Сидели мы, глотая резкий воздух.
Светлело небо в белых, грузных звездах,
пока к пяти часам не рассвело. . .

ВАГОНЫ ВЕСНЫ

Вокзалы.

Почерневшие плафоны.
Таблицы расписаний на щитах.
И пролетают мокрые платформы
и стрелочницы с ветром на щеках.

На полке словно в детстве на качелях
качаюсь я, смотря из-под руки,
как Русь моя, мужавшая в кочевьях,
без отдыха кочует по Руси.

Прорабы едут,
плотники и токари —
подвижники добра и чистоты.
Я в их кругу пронизываюсь токами
действительно высокой частоты.

Вот девочка в малиновом халатике.
Вот парень в гимнастерке без погон,

А птицы!

А птицы!

Захлебнулись в крике,
Так разноголосо, неистово поют.
Выхожу в дорогу, и крестьянки кринки
с молоком студеным щедро мне дают,
Тщстно вы даете!

Разве столько выпьется?

Я уже отвык от кринок с молоком.
Улыбайтесь, люди! Скоро солнце выбьется
и повиснет яблоком в мире молодом.
Слаб я добротою, нежностью, доверьем.
Нежностью, доверьем, слабостью — силен.
Буду зеленеть я, подражать деревьям.
Хлеб мой будет сладок.

Будет пот солен.

Так иду в дорогу.

И руками машут
акации и клены молодому мне.
Яростное море пляшущих ромашек
разливается по земле. . .

* * *

Не любому дано счастье поиска,
дружба верных парней и девчат.
Пусть колеса сибирского поезда,
как сердца молодые, стучат.

В нашем будущем нет неизвестности.
Надо лишь оглядеться вокруг.
Согревает холодные местности
теплота человеческих рук.

Наши будни работой заполнятся.
Десять лет проживем мы за год.
Но зато нам, как юность, запомнится
к жизни вызванный нами завод.

Быль сменяют со временем вымыслы.
Новый шаг сделать в жизни пора.
Оставляем мы гнезда, где выросли.
Добрый день, Маякова гора!..

БЕРЕЗА

Расчистку стройплощадки вели бульдозеристы.
Все с земли сбрасывали стальные ножи:
весенний снег подталый,
  пористый,
  зернистый,
холмик неприметный сусличьей норы.
А на стройплощадке береза выросла.
Превратилась в деревце за пару лет.
В том, что я рассказываю, никакого вымысла,
ничего особого нет.
Те бульдозеристы — черти в своем деле.
Машины шли по гравию, по осколкам льда.
И радовались парни солнцу, как дети.
И чубы из-под шапок — светлее льна.
Все они срезали, а березу не трогали.
Их гремещий поезд грунт в пыль перетирал.
Ветры пробегали своими тропами.
Каждый ветви деревца в пути перебирал.
Раздавались крики:
— Что же это делается?
— Может, вы оглохли?
— Березу долой! —

Но никто не слышал ни слова о деревце.
Смену отработали и — домой.
Чего тут разговаривать?

Разговоры долги.

Срезали б под корень.

А какой в том расчет?

Встанут здесь домны —

поместятся и домны.

В Сибири места много.

Пускай растет...

ТЕПЛЯК

Затерянный в зимних полях,
где первая свая забита,
стоит деревянный тепляк,
рабочих приют и защита.

Погреться заходит сюда
строителей шумная смена,
и судит порой без суда,
и шутит греховно и смело.

Садится на лавки она.
Веселие не затихает.
Краснеет в аду сатана.
И уши господь затыкает.

Я вижу, к простенку прижат:
как сосен могучих коренья,
усталые руки лежат,
уснув на широких коленях.

О дружбы живительный дух!
Компания ваша легка мне,
волшебники вольтовых дуг,
кудесники леса и камня!

В бараках у ваших печей
меня вы учили все вместе
достоинству зрелых речей,
упорству, работе и чести.

Три года с тех пор протекло,
но снится мне сон и поныне
про молодость и про тепло
в заснеженной белой пустыне...

БАЯНЫ

На строительстве сто баянов.
Как ударят баяны в лад!
На строительстве сто баянов,
сто да сто музыкальных лап.
Уезжали они.

Махали

жены,

матери им вослед.

Не стихами, а их мехами,
край сибирский наш, ты воспет!
Вечерами,

ах, вечерами

парни, в вальсах хмелея в дым,
под рыданья мехов стирали
об асфальт башмаки до дыр.

Никакой здесь тебе рутины.
Закоснелости никакой.

И про ландыши здесь крутили,
и про выбравших непокой.
Приходил я с работы поздно,
грязь с подошв своих отрывал,
невзыскательно ел и постно
и баянам дверь открывал.
И они в ночи голосили
про дороги и про моря.
И прислушивалась Россия,
как гуляет стройка моя. . .

ДЕВЧАТА

Там, где «МАЗы», там, где краны,
где мартены встанут в ряд,
по площадке ходят крали,
и глаза у них горят.
И платочки — будто чайки —
на ветру крылами бьют.
Ленинградки, горьковчанки
землю заступами бьют.
Подойду я: — Здравствуй, Эмма!
Скажет: — Здравствуй! — Тишина.
— Тяжела работа эта?
Скажет Эмма: — Тяжела. . .
Бригадир тут крикнет: — Девки!
Дуй к кассиру! Не робей! —
И приносят они деньги,
Каждой денег — сто рублей.
Это много или мало?
Может, мало. Может, нет.
А еще подбросит мама.
Дочке надо в двадцать лет.

После смены будет дочка
выбирать товары, ОРС!
Дай ей туфли, ОРС! И — точка!
Экспорт-импорт. Самый форс.
Вечерами школа, танцы.
Бальный, праздничный режим.
Ну, а нам-то? Что мы — старцы?
Ходим. Головы кружим.
И лирическая тема
нас пускает в оборот.
И чудной строитель Эмма
меня за руку берет.
Сердце бьется. Сердце тает.
Ночь лежит черней чернил.
«Ах, кавалеров мне хватает...»
Верно автор сочинил!
Спит завод. Машины. Дэмны.
Дремлет девочка в плаще.
И щека ее удобно
на моем лежит плече...

СВАДЬБА

Тюльпанов первых яркие бутончики
в руках невесты дюжего бетонщика,
неповторимость загсовских речей.
Уже бумага гербовая пишется,
а за окном легко и сильно дышится
и дребезжит по камешкам ручей.

А впереди до вечера оставленный
широкий стол, закусками уставленный,
ребята, приглашенные вчера.
И наши песни русские, исконные,

и «горько», и под утро «Подмосковные вечера».

Апрель в лицо заглянет юной Катеньке,
а за окном все будут падать капельки,
обнимутся невеста и жених.
И птицы будут петь под старой крышею,
их свадьбу в тишине от глаза скрывшею.
И я не потревожу ласки их...

ТАНЦЫ В КЛУБЕ «КОМСОМОЛЕЦ»

Когда однажды затоскую
о том, что волосы белы, —
я вспомню юность заводскую,
ее труды,
ее балы.

И как в дагерротипе старом,
навек врезанном в гранит,
увидю я — кружатся пары,
на хорах музыка гремит.
О жар танцоров вдохновенных!
Спортзал, встревоженный людьми!
Огонь в глазах.

И робость в венах.

И ожидание любви.
Я вспомню, как в углу спортзала
красноречивая слеза
в платок монтажницы сползала
и исчезала без следа.
И не было остро здесь тощих.
Не в силах с вихрем совладать —
плясал с бетонщиком бетонщик,
с солдатом «вкалывал» солдат.

от незлобивого порока
и добродетели бумажной.

Ему вдогонку письма слали.
Его, казалось, больно били:
«Ровесники в чести и славе!»
«Сокурсники в тепле и силе!»

А я ему свое «спасибо».
Вот так живем и поживаем.
Среди бетонных ферм Запсиба
рабочим руки пожимаем.

Не потому, что это модно,
и не затем, что это лестно,
а потому, что это — мощно,
и лишь затем, что это — честно.

Мы в праздник поздравляем Вовку
без нежностей, как можно суше,
и пьем с ним дружескую водку
за наши ветреные души.

И держим путь дорогой буден,
иной удачи не желая.
А ветер бьет в окно, как в бубен,
и выюга стонет, как живая...

С БОРТА САМОЛЕТА

Рождалось солнце.
Свет густел.
В росистом глянце чернозема

вдруг под крылом простерлась степь —
солончаки, скирды, озера.
«Ил» шел стремительно к земле.
В ушах пронзительно звенело.
И степь открылась на заре,
необозримая, как небо.
Машину вел лихой батыр
Казахского Аэрофлота. . .
А некогда в степи Батый
коней готовил для полета.
В тумане брезжили костры.
Гремел кусок распятой кожи.
Дымилась жирные котлы,
и мчались бешеные кони.
А ныне? . .

«Степь не та,
не та!» —

твердил мне по соседству парень.
И взор застлала чернота
натруженных целинных пашен.
Людей не видно с высоты.
Это из прошлого знакомо. . .
Но, человек, повсюду ты,
твой приметы и законы.
Ты эти земли пробудил,
и вспомнят в будущем потомки,
как ты колодцы пробурил,
воздвиг дороги и поселки.
И обнял взор леса, моря,
края, где предки наши жили, —
все то, что —

Родина моя,
ее распахнутые шири!

ОСЕНЬ

Над полями, над стойбищем сосен
видит летчик в крылатой стреле,
что сухая, раздольная осень,
как пожар, разлилась по земле.

В ярком буйстве лесов негасимых
краше всех, как в часы торжества,
полыхает под ветром осинник,
и, как искры, взлетает листва.

Да, бывает лишь осенью это,
когда листья усеют порог,
когда катится гулкое эхо
по просторам осенних дорог.

Ясен день и высок, как светлица,
и студен, как в чашобе родник,
и по-новому светятся лица
незнакомых людей и родных.

ИЗ БЛОКНОТА

В телогрейку ватную
облачись, судьба!
Должность это важная —
сам себе судья.

Истово прощается
верная жена.
Многое прощается,
а вина жива.

Чья вина? Не ведаю.
Поживи одна!
Полюбуйся Вегою
ночью из окна.

Многому быть поняту.
Сладко ль так двоим?
Я девчонку помню ту,
с именем твоим.

Не с брезгливой миною.
Минула пора?
Не себя я милую —
на плечах гора!

Грязь к подошвам — тоннами.
Не содрать ножу.
По Сибири топаю,
сапоги ношу.

Март сверкает стеклами.
Солнце бьет вразлет.
Под ветрами теплыми
лопается лед.

Может, стал я стариться?
На кого пенять?
Что со мною станется —
не могу понять.

Радости не строгие.
Несколько седин.
Так живу на стройке я,
сам собой судим...

КОСТРЫ

Кузнецкий Алатау.

Подъемники.

Копры.

Луна там золотая.

Ночами жгут костры.

А кто их разводит, чье сердце горит —

руками разводит, так говорит:

— Что ты все записываешь? Не пачку
банкнот —

за пазуху запикиваешь ручку, блокнот?

Что в нас такого? Вон целина освоена... —

Говорит толково по-своему.

Смотрит испытующе, не дрогнут черты. —

Там бы жизнь ту еще повидал ты. —

Ну и леший! Розыгрыш дает.

Звать его Лешей. Сидит. Поет:

«Течет речка по песочку,
бережочки моет.

А молодой инженер

начальника молит.

Ой, начальник, мой начальник,

отпусти до дому.

Надоело жить в тоске-печали

парню молодому...»

Сам он с Пресни. Заканчивал МЭИ.

— Будешь в Москве — вспрысни «за други
мои».

Чтобы не забыли этой поры. —

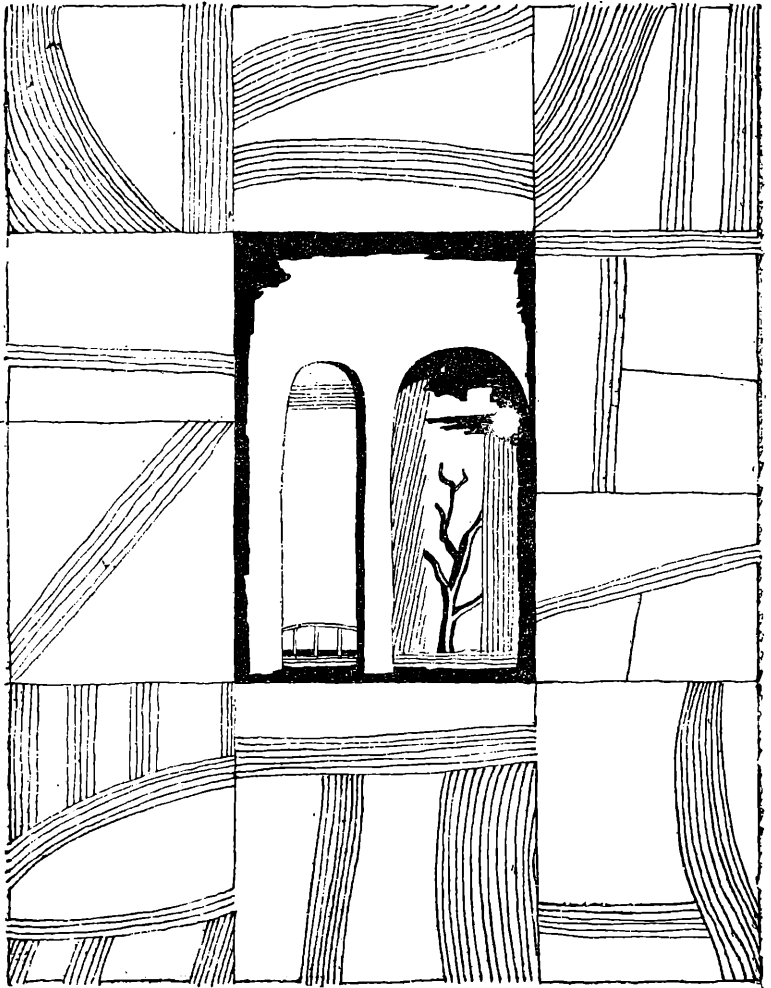
А по Сибири — костры, костры...

Эпоха молодая. Крупные черты.

Кузнецкий Алатау. Снега чисты...

ЦЕНА

СТИХИ
1962-1966

* * *

Б. С.

Добро — незыблемая данность
для тех, кому оно дано.
И тем сильнее благодарность,
чем незаметнее оно.

Мальчишкой — кожи слой на ребрах
просвечивал, как редкий лес, —
я видел добрых и недобрых,
и зло держало перевес.

Учение не отстоялось
лишь потому, что в те года
ты, детство, все же состоялось
и было ясным иногда.

В заботах о жилье и корме,
когда приблизилась пора,
в меня вросли иные корни,
побеги встречного добра.

Не то чтоб в час особой муки,
но в час тревоги и беды
его участливые руки
давали мне глоток воды.

Добро входило в дом украдкой
при свете будничного дня
и над распахнутой тетрадкой
учило разуму меня.

Оно сквозило в каждом жесте
на грани быта моего.
Слова слезливости и лести
лишь оскорбили бы его.

* * *

Как понимать туманы по утрам,
дымки из труб, рожденные печами?
Как принимать осенние печали
и неизбежность ясную утрат?

По листьям облетевшим я хожу,
в их жизнь недолговечную вникаю,
их шелесту прощальному внимаю
и сердце свое слышать не хочу.

Но в нем теснятся пестрые миры.
Я многим предназначил их в даренье.
Так отчего же нищие деревья
мне более понятны и милы?

Я погружаюсь в пламень черных вод,
все пашни обнимаю я, все реки
и лепечу привязанности речи,
но неподвижен чуждый небосвод.

Быть может, слабой жизни существо
к бессмертию природы приникает,

затем что никогда не привыкает,
что гибель ждет живое существо.

И потому туманы по утрам,
дымки из труб, рожденные печами,
свидетельствуют новые печали
и неизбежность ясную утрат...

ДРУГУ

Под ветром кусты стонали.
Месяц блестел, как нож.
Аэродром в Кустанае
был молчалив всю ночь.
Было пустынно поле.
Ровная степь была,
словно под слоем соли,
выжжена и бела.
Были слышны собаки
из неподвижной тьмы.
Помню, на бензобаке
молча курили мы.
Смерть проходила мимо
и отступала там.
Все достоянье мира
принадлежало нам.
Триста минут полета —
будто единый час.
Как далеко-далёко
время ушло от нас!..

ЯСНЫЙ ПОЛДЕНЬ

Такая тишина в полях,
так небеса бездонны,
как будто отражен поляк
и изгнаны тевтоны.

Так ветры летние легки
и воды величавы,
как будто шведские полки
лежат вблизи Полтавы.

Но времени веретено
кружится без ошибки.
И впереди Бородино
и перевалы Шипки.

Преображается страна.
И снова в край из края
по ней проносится война,
день кровью обагрят.

И вновь за тихий летний день,
сборванный снарядом,
встают питомцы деревень
и горожане рядом.

И я прочел на их костях,
на общей их скрижали
о том, как дорог тот пустяк —
клок неба со стрижами. . .

* * *

Меркнет детство мое, словно сон ускользающий давний,
но по-прежнему в памяти заперто крепко на ключ
чувство счастья, с которым весной я распахивал ставни
и впускал в нашу комнату солнечный луч.

Гром замков и затворов, капли горошины с веток,
свежий мартовский ветер, далекого поезда рев,
гул телег по булыжнику, первые звуки рассвета
принимал я как лучший из всех мне доступных даров.

И с тех пор моя жизнь — это только предчувствие света.
Радость входит в меня, когда льются сквозь стекла лучи,
когда свет немигающ, и прям, и стремителен, — это
мне дороже всех благ, что когда-либо я получил...

* *

И. Соколовскому

Тебя Земля к груди прижала.
Нет жизни, кроме вас двоих.
И вулканического жара
дыханье на щеках твоих.

Но мы еще спешить не будем.
Быть может, в наш последний час
все, что хотим, мы скажем людям.
Они поймут нас
и без нас!

* * *

Снова снятся и видятся,
грузом горя ложатся на плечи
Маутхаузен, Лидице,
крематориев дымные печи.

Как все было поставлено
в лагерях на широкую руку!
Сколько было доставлено
человек на убийство и муку!

Из Литвы, Имеретии,
из боев и глубокого тыла.
Это в нашем столетии
производство налажено было.

Из Норвегии, Дании,
из Голландии, Франции, Польши.
Это чаша страдания.
Наполнять ее некуда больше.

Казахстан и Эстония.
Старики и кричащие дети.
Разве только история
то, что было недавно на свете?

Душегубы особые
при теперешних добрых порядках
получают пособия,
огурцы поливают на грядках.

ОСЕНЬ ПОД СЕВАСТОПОЛЕМ

Когда дневной спадает жар,
вечерние играют зори,
тогда багровый солнца шар
безжизненно садится в море.

Когда уходит он ко дну,
судам дорогу преграждает,
тот миг особую волну
в дремоте этих вод рождает.

И море дышит сентябрем,
все в пятнах голубых и алых,
и отдаляющийся гром
грохочет, затихая в скалах.

И сумрачно горит закат,
и густо под луною спелой
сигналы длинные цикад
плывут в степи сухой и белой.

УСЫПАЛЬНИЦА АДМИРАЛОВ

Я думал о традиции большой,
служившей Севастополю подспорьем,
когда увидел дрогнувшей душой
Владимирский собор над Черным морем.

Не только современники мои —
в тот год у осажденных рavelинов
вели в горящем городе бои
Нахимов, Лазарев, Истомин и Корнилов.

И стены боевой гробницы их,
отметки и рубцы сражений правых
читаются поныне как дневник
тех дней победоносных и кровавых.

Взгляни, поэт, на эти купола
и ощути высокое единство.
Традиция для нас не кабала,
а верности живое материнство.

Я так воспринимаю эту честь,
когда мы о заботах наших спорим..
Есть Родина, поэзия, и есть
Владимирский собор над Черным морем...

* * *

Воспоминаний ноша тяжела.
Стремится к ним душа, минувшим бредя.
Но есть одни —

довольство, тишина.

Легко невозмутимое их бремя.
Такая память слишком коротка —
пустых страстей,

обид минувших вспышки.

В ней что-то есть порой от коробка,
где дребезжат разрозненные спички.
А есть иные —

долгий,

трудный путь,

спирали неуклонное вращенье,
освобожденье истины от пут
и новое в их лоно возвращенье.

Уроки бескорыстья и беды.

Любви и ненависти горький опыт.
Глядишь —
        виски безжалостно белы,
и время к обобщениям торопит...

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Тридцать лет. Стихотворений — сорок.
Остальные сотни — пустяки.
Выстроен не город, но поселок,
где не властны стариться стихи.

Шла война. Я помню эти годы.
Без надежд трубили трубачи.
И огонь божественной свободы
лишь случайно брезжил мне в ночи.

Мне и не подумалось ни разу,
что хлебнул я радостей и бед,
чтобы в зарифмованную фразу
уложилась память этих лет.

Общая история народа
все-таки казалась в те года
ближе летних красок небосвода
и тебя, днепровская вода.

Нужно было выждать эти сроки.
Нужно было жить — не поживать,
чтобы, как сегодняшние строки,
завтрашние строки пожинать.

ПЛАЧ ПО СТАРШИМ БРАТЬЯМ

Кульчицкий Миша...
Отрада Коля...
Майоров Коля...
Багрицкий Сева...

Земля России — бессмертья школа —
Встречает осень стогами сена.
Березы в чашах меняют платья.
В воспоминаньях седеют мамы.
Всё ищут пули вас — старших братьев.
О, как вас много, а лет вам мало!

И, разрывая на сердце путы,
Восходит солнце в крови и стали.
Вас — старших братьев — всё ищут пули.
Вы и за гробом в военном стане.

Целую знамя героев фронта.
Целую знамя героев тыла.
Идут в бессмертье за ротой рота.
Глядит Россия, склонившись к тыну.

Мы выступаем бойцам на смену.
Во имя жизни себя мы тратим.
Но в дом наш часто на смену смеху
печаль приходит по старшим братьям.
В тот час как будто вдруг солнце село —
оцепененье во всем такое...

Отрада Коля...
Багрицкий Сева...
Кульчицкий Миша...
Майоров Коля...

Люблю читать военные стихи,
написанные старшими поэтами,
знакомыми со смертью и поэтому
любую ложь берущими в штыки.

Их чистоту, их ненависть и боль
вобрали недвусмысленные строфы,
напряжены, как парашютов стропы
над полем, где десант вступает в бой.

И пусть давно окончилась война,
но тех солдат, победу нам добывших,
фашизм добывших,
литкружковцев бывших,
еще несет военная волна.

И я читаю строки про бои,
и в тишине не зависть и не гордость,
а приговор тот — к армии негодность —
нередко омрачает дни мои.

И все же повторись тот страшный час —
во имя совести своей и чести
я встану под огнем с другими вместе.
И кто разъединить посмеет нас?

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Синева разлита в природе.
По колено в воде, без сна
где-то рядом по саду бродит
и деревья поит весна.

Я, ворочаясь, долго слышу,
как капелью она стучит,
как ступает она и дышит,
как ветвями трещит в ночи.
Всхлипы,
                  шорохи,
  ветер с юга,
трепет форточки,
  звон стекла.
И в беспамятстве вся округа.
Синь.

Апрель.

Ночь теплым-тепла.
Ночь сырая гремит по крыше
грязно-пепельным талым льдом,
превращает в пятно афишу,
набухающую за углом.
Вдоль заборов журчит несмело
мутной, первой пока водой
и листву, что зимой истлела,
вместе с пеной несет седой.
Плеск воды, набуханье почек,
птиц стремительных вечный путь,
гул весны в самых недрах ночи,
синева...

Не могу уснуть!

Счастье творчества, счастье слова,
исступления терпкий час,
час бессонницы долгой, снова
я четырежды славлю вас!

2

Душным жаром полей согретый,
в деревянной простой избе
коротал я однажды лето,

предоставленный сам себе.
Солнце меркло.

По волжской глади
вдруг баян рассыпал лады,
ветер гнал до истоков пряди
молчаливой ночной воды.
Будто мир этот внове создан
и природа чудес полна —
вниз без крика бросались звезды
и дробилась в волне луна.
Волга,
    поле и лес,
                    и зори,
и пространства сквозная синь,
и село на высоком взгорье —
я ваш любящий, верный сын!

3

Я хочу одолеть молчанье.
Я хочу его превозмочь.
Пусть пронзает заря лучами
уходящую с поля ночь.
Пусть живителен будет ветер,
горизонт перед бурей мглист,
небосвод в ясный полдень светел,
чист рассудок и зелен лист!
Пусть,
    вечерним огнем объаты,
в темных кронах тая печаль,
уплывают в часы заката
вековые деревья вдаль.
Пусть безумно — легко и строго,
цветом вешних садов пыля,
к лучшим дням по своим дорогам
увлекает меня земля!

Пусть найду перед смертью слово
и сквозь толщу земных пластов
обращусь к вашей жизни снова
на своем языке простом...

СЕРДЦЕ

Ночью не спится. Сердце болит.
Прежде-то было исправно.
Кто ему биться в груди не велит
неторопливо и плавно?
Слышу приятеля строгий укор.
(Творчество. Истины. Враки.)
Сердце, ведь это безвредный укол.
Что ж ты споткнулось во мраке?
Что же бывое ты двинуло вспять,
тонешь в ушедшем и старом?
Время уткнуться в подушку и спать,
сном освежаться усталым.
А за окном завывает февраль.
Вьюга. Обычное дело.
Дело серьезное. Сердца не жаль —
выбрало то, что хотело...

* * *

Идет неделя за неделю.
Я воскресенья долго жду.
Дождусь, и ничего не делаю,
и лишь напрасно лампу жгу.

Я думал — в тишь такого вечера,
лицом припавшего к окну,
мне будет празднично и весело
и наконец я отдохну.

Я буду слушать шелест лиственный
и песни с ближнего угла,
и книгой, раз пятнадцать лиственной,
я прочитаюсь до утра.

Или в часы рассвета сонные,
когда все улицы тихи,
я напишу совсем особые,
необычайные стихи.

И вот воскресный вечер выдался
и выплыл месяц, невесом,
и я, как будто скверно выпался,
в невольный погружаюсь сон.

Не пишется и не читается,
не отдыхается в дому —
такое что-то начинается,
что задыхаюсь я в дыму.

И знаю, что искать-то нечего,
а ты лови строку, лови.
И так от вечера до вечера —
«без слез, без жизни, без любви...».

* * *

Вы помните — Поэзия
на костылях калек
в дыму, в кровавом месиве
вошла в двадцатый век!

Ей грезилось за далями,
во весь полет Невы
достоинство задавленных,
растоптанных, немых.
Сожгли ее, повесили,
замучили, гоня.
Но ты встаешь, Поэзия,
как феникс из огня.
Как феникс — не на жердочке,
как Жанна д'Арк — в огне.
Поэзия,
ты — форточка
из мира
в сердце мне!

* * *

Течет, течет моя река.
Струится Днепр по Приднепровью,
Слежу за ним издалека
с печалью давней и любовью.
И видят вновь глаза мои
во весь размах былой загадки,
как над Днестром кружат рои
птиц, защищенных от рогатки.
Палят зенитные посты.
Давно за кручи солнце село.
И в реку рушатся мосты —
сталь поперек живого тела.
Внезапно умолкает бой.
На крыше флаг весенний рдеет.
И в радости таится боль.
И круг родных сердец редет.

И я ступаю за порог,
простившись с вольными волнами,
и колеи моих дорог
навек ложатся между нами.
Но я по-прежнему все там,
где ныне так пестро и ново.
Привязанность к иным местам
слабее родственного зова.
Обрушивая берега,
под солнцем августа сияя,
она течет, моя река,
в меня уверенность вселяя...

* * *

В дождевых перехлестах
вижу Днепр, вижу дол,
вижу свой перекресток
и родительский дом.

Что, казалось бы, вечно?
Ночь? Речные огни?
Звезды в небе? Скворечня?
А ведь вечны они!

Годы их не голубят,
но вырастает их нить
в сокровенные глубины,
где их можно хранить.

СОСНЫ

Рифмуются душа и солнце,
размах полей и речь дубрав.
А мне все время снятся сосны,
взметнувшиеся ввысь из трав.

Вот, раздвигая эти травы,
ложусь я, а над головой
гусей, сносимых к югу, трассы
и купол бледно-голубой.

И сердце легкое в печалях
взлетает к солнцу, выше хвой,
и кладом о семи печатях
лежит в нем смутный облик твой.

Полузабыт, полуосознан —
он до сих пор мерцает в нем,
и я во сне склоняюсь к соснам
и озаряюсь их огнем.

А ты-то в снах каких витаешь?
О чем мечтаешь на заре?
Каких друзей приобретаешь?
Где обитаешь на земле?..

ПРОСТОР

Ты слышишь? Пахнет сеном и водой.
А много ли ты знал, как пахнет сено
в тот час, когда над полем солнце село
и месяц появился молодой?

Ты много ли вниманья обращал
на чистоту вечернего простора?
Век был не прост, а ты хотел простого
и заодно природу опрошал.

Но отчего же эта простота
душевного смятения не проще?
Что значит немота кленовой рощи,
сиротство придорожного куста?

Есть грани между счастьем и бедой.
Есть доброта и долг, восток и запад.
Но как разъять на части этот запах
сухого сена пополам с водой?

И говорит с прохожим тишина.
И ширь как бы твердит ему родная,
что осень для него очередная
не будет, к счастью, слишком тяжела. . .

* * *

Пусть хлынет в душу горечь
и облечется в стих
тревога наших сборищ,
прекрасных и пустых.

Протягиваю руки,
ищу в потемках нить.
Ко мне придите, други,
и научите жить.

Где счастье? Ходит сбоку?
Семь бед — один ответ.
Молюсь ему, как богу,
но бога нет как нет.

Я слышу вой метели.
Поет она, грозя.
Холодные недели,
холодные глаза.

Куда они уводят
на склоне смутных лет?
Кто навсегда уходит?
Не я, наверно, нет!

* * *

Гремит трамвай. Снуют такси.
Спрессованы в едином слое,
черты довольства и тоски
хотят быть названными в слове.
Прошу, догадкой опален,
румянцем напряженным залит:
— Ну, требуй к жертве, Аполлон! —
Но Аполлон сегодня занят.
К нему явился на прием,
тая отвагу и тревогу,
молчальник гибнущий.

При нем -
мне стыдно обращаться к богу.
Пусть над счастливою строкой,
влетевшей в чистую обитель,
взмахнет восторженной рукой
наш легендарный покровитель.

Меня завистливость берет,
но я ее подальше прячу.
Быть может, завтра мой черед.
— Соратник, за твою удачу!..

* * *

Осенние ночи длинны,
А мысли протяжны и долги —
О жизни, судьбе и о долге,
Как путь от Земли до Луны.
Бессонница ходит в дому,
Бессвязные речи заводит.
Окурок, как старый заводик,
Совсем утопает в дыму...

САН САНЫЧ

Много я передумал за ночь.
Не сомкнул до рассвета глаз.
И припомнился мне Сан Саныч,
человек, воспитавший нас.

В сочиненьях я был отличник,
но всегда повторял он:
— Ты
избавляйся от слов от лишних,
бойся спешки и суеты,

Ты пиши, набирайся силы.
Этот труд — не бревно тесать.

Для людей, что живут в России,
неудобно плохо писать.

Я по Вашим живу уставам,
в стиле Ваших бесед пишу.
Я бываю порой усталым,
но ломиться в дверь не спешу.

Крепко помню Вашу науку
и, как в классе, поверх голов
не тяну скороспело руку —
дескать, вот я уже готов...

СОРОК ПЕРВЫЙ

Шла осень серая, сырая.
Военный быт вступал в права.
В холодном сумраке сарая
я дотемна рубил дрова.

Заборы я рубил и мебель,
столбы укрытий и опор.
Карандашом я бревна метил,
и лишь потом я брал топор.

А дождь хлестал, как из ушата.
Я ноги в дом едва волок.
И липла старая ушанка
к вихрам растрепанных волос.

Я складывал на кухне чурки,
вздувал в печурке сноп огня.
Родители бывали чутки,
не злили жалостью меня.

Устало и самодовольно
в тепле я погружался в сон.
И снилось мне, что муки, войны,
все в жизни мы перенесем. . .

РАБОЧИЙ СЦЕНЫ

Как город весь, он снегом убелен;
он просыпается, как город, рано,
в часы, когда, быть может, спит сопрано
и после вечеринки баритон
полощет голову и фыркает под краном.

Он раньше всех на сцене. . .
Сквозняки,
свисают и колышутся полотна;
вот задник — берег дремлющей реки,
а там, наверно, город, огоньки,
в ночи друг к другу жмушиесея плотно.

Театр оперы — он так мечтал о нем!
Он делал бы там все, хваля судьбу за милость,
но время шло, день проходил за днем,
и лишь поздней мечта осуществилась.

Он тридцать лет всего рабочий сцены,
является ни свет и ни заря
и слушает, как сумрачные стены
о чем-то бесконечном говорят. . .

И ты приди, когда на сцене пусто,
и, заблудившись где-то там, в тиши,
найди его — хранителя искусства, —
театров наших летопись пиши!

* * *

Я у соседей под копирку
сведу цифирь их дачных схем,
и выстрою я дом-копилку
ненужных окон, лишних стен.

Отличен будет дом от тюрем
лишь тем, что в век суровой мой
нет тюрем с вазами и тюлем,
а в остальном — тюрьма тюрьмой.

И стану жить я смутно, серо
и деньги тщетные копить,
а за рекою выйдут сено
девчата бойкие косить.

И станут петь в насмешку девки,
в кружок собравшись у костра:
— Не продается жизнь за деньги,
и совесть деньгам не сестра...

ПОКОРИТЕЛЬ МОСКВЫ

Покоритель Москвы уезжает домой.
Покорение не состоялось.
Сдали мышцы, и кровь застоялась.
С глаз долой и из сердца долой.

Покоритель Москву не сумел покорить.
Грубо действовал. Слишком топорно.
Слишком нагло и слишком упорно.
— Я хочу, — говорит, — покурить!

Не открылись сокровища, ларчик, Сезам.
И мужская слеза наготове.
Но Москве эти слезы не внове.
Ей не хочется верить слезам.

НОЧЬ В МАРТЕ

На крыши вечер лег
какой-то серой масти.
И вспомнился мне лед,
упавший с крыши в марте.

Он тучу срезал влет
и жизнь вернул к истоку.
Так обвалился лед,
гремя по водостоку.

Рассыпался дождем.
По всей округе — эхо.
И я был пробужден,
когда случилось это.

Тот миг как пуля в лоб
при всем честном народе.
А был всего лишь лед,
круговорот в природе.

Довлел он, как гора,
в покое нелюдимом.
Но все-таки пора
была растаять льдинам.

Очень скоро сказка сказывается.
Глядь — исчезла без следа.
Очень скоро чья-то скатывается
отрезвления слеза.

Ночь.

Листва шумит зеленая.
По-весеннему тепло.
Словно дождь идет —
залетная
бьется бабочка в стекло.

Пьем мы кислое и пенное —
ах, не все ли нам равно! —
купленное в день стипендии
небогатое вино.

За окном, неловко топая,
бродит дворник по камням.
Ночь весенняя и теплая
возвращает жизнь корням.

И в края обетованные,
удаляясь от Москвы,
поезда гремят товарные
так, что дрожь берет мосты.

Дым из труб по ветру треплется.
Путь их —
к Волге и на Дон.
Мы с тобою еще встретимся
в этом мире молодом!

ЛЕБЕДИ В ЗООПАРКЕ

Стоит осенний полдень в городе,
и сквозь трамвайный звон и гам
плывут они в ребячем гомоне
к своим лебяжьим берегам.

И облака все не кончаются
и, пробегая над водой,
как лодки, на волнах качаются
рельефной белой чередой.

И вижу я прозрачность осени,
а жизнь светла и глубока,
я не могу понять на озере,
где лебеди, где облака...

* * *

Опять сверкает над Кавказом
всю ночь июньская гроза,
электросваркой над каркасом
слепит безжалостно глаза.

В своей поспешности стремительной
она, могуча и смела,
черты профессии строительной
все до одной в себе слила.

В горячем уличном безмолвии
дождь входит в землю, как сверло,
и облака пронзают молнии,
и ночью в городе светло.

Гром ухает стотонным молотом,
ручьи уносят с улиц сор,
и мир деревьев смотрит молодо,
с листвы отряхивая сон.

И с площадей, по пояс канувших
в клокочущее море луж,
спешит гроза — азартный каменщик
к окраинам, в степную глушь.

В работе рукава закатаны,
и, цветом в вызревшую рожь,
вихры волос ее закапаны
зеленой краской нив и рощ.

Она полна к растениям жадности
и, сокрушая мертвый хлам,
стремглав возводит урожайности
пшеничный золоченый храм.

Сейчас вода его окутала,
но я увижу на заре
воздушность стен, сиянье купола —
простое диво на земле...

ПЕСЕНКА О ДОЖДЯХ

Ранний дождь шипуч и свеж.
Он на все годится.
Хочешь — выпей, хочешь — съешь.
Сытная водица!

Как мальчишка, скачет он,
Пробежал и скрылся.

Глядь — прозрачный небосклон
Солнцем заискрился.

Поздний дождь совсем не то.
Скучен он, невесел.
Он на тучу лег в пальто.
В дырку ноги свесил.

Как на печке, он лежит.
Мается полгода.
Ставит грелки и брюзжит.
Скверная погода...

* * *

О чем это ропщется рощице,
Одетой в осеннюю тогу?
О чем это путнику ропщется,
Идущему с осенью в ногу?

О чем это мыслится палому
Листу, что по ветру кружится?
Неужто так хочется — малому —
Со смертью своею ужиться?

РАССВЕТ В ГОРОДЕ

Я выждал все-таки рассвет.
Спалось прерывисто и худо.
Впервые за пятнадцать лет
мне довелось увидеть чудо.

Ударил розовый фонтан,
и пламя тучи охватило,
и я сказал себе: — Вон там
из-под земли всплывет светило.

Тогда оно одним броском,
размахивая чубом рыжим,
взлетело ввысь и босиком
пошло разгуливать по крышам...

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ КАРМЕНА

Документальный фильм Кармена.
Дороги и хлеба в огне.

Я должен вспомнить откровенно,
как вечером случилось мне
сердечный выдержать припадок
при виде старых матерей,
солдат небритых и хрипатых,
огня германских батарей,
детей голодных без жилища,
блокадных скудных похорон,
пожарища и пепелища
и гибели со всех сторон.

Пронзило сердце острой болью
во тьме экрана полотно,
но вместе с верой и любовью
отозвалось во мне оно.

И наступила перемена:

Вдохнул арбатский душный зал
в тот миг, как долгий фильм Кармена
иные кадры показал.

И вновь припомнились солдаты,
немая собственность земли,

которые до майской даты,
до мирной жизни не дошли.
Смешались гордость, гнев и жалость,
безлюдье ночи, гомон дня.
И сердце дрогнуло и сжалось,
забыв невольно про меня.

* * *

Было много молний этим летом —
что ни день,
а в душе, как будто шел я лесом, —
сумрак, тень.

Это лето было не такое
чтобы синь.
Много было боли, непокоя,
траты сил.

Шли по небу тучи грозовые —
лета жар,
как автомобили грузовые
в свете фар.

И сказал я женщине, знакомой
с давних лет:
«Опровергнем-ка с тобой законы
наших бед!»

Раю нам сдаваться нашей боли.
На века
нам с тобою жить, как лес и поле,
как река.

Пусть о ставень звезды бьют ночами.
Дома? Нет?
Пусть все повторится, как в начале,
в двадцать лет».

РАДУГА

Под ветром рощи не причесаны.
Дожди текли два дня. На третий
холодным утром поздней осени
я стих свой в желтых рощах встретил.

И мы опять сдружились надолго
и за городом наблюдали,
как осежь стягивала радугой
две ясных, две пустынных дали.

Горела радуга торжественно.
Ее полярное мерцанье
зимы напомнило мне шествие
и тягу меж двумя сердцами.

* * *

Мы знаем, что обречено
и безнадежно наше дело.
Зачем же сердцем завладело
и не даст вздохнуть оно?
Зачем за край ночной черты
нетерпеливо и тревожно
сквозь слезы молча смотришь ты?
Его увидеть невозможно —

день завтрашний.
Там вижу я
полупрозрачный жизни призрак,
разлуку и зловещий признак
совсем иного бытия.
Там солнце зимнее горит,
и голос сдержанный природы
о наших бедах говорит
и нам отсчитывает годы
последние.
Но все равно
мы благодарны будем оба
мученью жара и озноба,
минувшему давным-давно.
Благословим же этот дар,
и ночи с прерванными снами,
и то, что и озноб и жар
однажды приключились с нами.
Слез откровенных не таи.
Что нам стихия чуждой прозы?
Свободно льются эти слезы.
Они мои. Они твои...

ЮГ

Вижу ночью и денно
здесь на почве сухой
древних пращуров дело,
что дружили с сохой.

Это трудная почва,
но пробил ее злак.
Здесь вишневая почка —
высшей доблести знак.

Ржавы стрелы и копья,
но в боренье земном
почвы жесткие комья
набухают зерном.

Будет та же работа
в бликах нового дня.
Велика ли забота,
что не будет меня? ..

ДАЛИ

Здесь клены мальчишки ломают на трости,
Здесь солнца не видно средь белого дня.
Здесь тихо на этом печальном погосте.
Здесь мирно моя почивает родня.

А дальше с горы до небес Приднепровье.
Закаты и степи. Закаты и даль.
И даль на закате, багримая кровью.
И пыль на дорогах, как горький миндаль.

* * *

Теперь бы в лес, как в детстве, по грибы!
Прохладой преисполнены криницы.
Теперь бы в лес! Но множатся гробы,
И реют бомбовозы вдоль границы.

Их тенью омрачен жилой уют,
Строй чувств и мыслей временностью мечен,
Ночами в небе молнии снуют,
Но небесам на нас пролиться нечем.

Мы слышим, в людных сборищах одни,
Как рядом ходят грозы, назревая.
Куда несутся месяцы и дни,
Сердца неосторожно разрывая?

Закрыв глаза и умер человек.
Умолк прощальной фразы отголосок.
Его без слов во мрак уносит век
На грузовых резиновых колесах.

Живые купят оттиски Дега,
Прочтут столбцы о ходе битв и стачек,
Отправятся на конские бега —
Печальный атавизм былинных скачек.

Кто запустил машину этих лет?
Что душу от мотора отличает?
Преодолей семь бед и дай ответ —
Эпоха за себя не отвечает!

НА РЕКЕ

Я молод, и жить мне хочется.
Привык я к реке, к веслу.
И хочется мне не кончиться
ни в эту, ни в ту весну.

Хочу, как река, доверчиво
вести с берегами речь
и так же с утра до вечера
к далекому морю течь.

Она молодая, сильная
и, в утреннем свете дня,

как небо, студено-синяя,
прозрачная вся до дна.

А море за далью прячется,
нам встретиться не дано.
Поется мне или плачется,
я слышу — гудит оно...

В ЛЕСУ

Ватишье, ты соседствуешь с войной,
удача, ты погибелью чревата.
Нелепость, будто век тому виной.
Сама, душа, во всем ты виновата!

Так будь собой и ощути их вес —
тех шумных лет, наполненных тревогой.
В нас целит солнце, севшее на лес,
как фотоаппарат с его треногой.

Сейчас фотограф-ветер сбросит плат,
и по исчезновенье тучи черной
запечатлятся наши смех и плач.
Да только что нам оттиск этот четкий?

Под шляпкой гриб поднялся голышом.
Березы — словно свадебные свечи.
Ты слышишь? Они шепчут:
— Хорошо ль?
Спокойно ли тебе, о человеке?

Июль зеленый. Снов невпроворот.
Один сморгнул. Другой еще короче.
Настанет ночь — и утро у ворот.
Какие усыпительные ночи!

Не спи, душа!

Останься на ветру!
Для блага изменяя эту землю,
чтоб жить, я ежедневно поутру
тебя, как оправдание, подьемлю.

И лишь порой — в блистании смолы,
торжественны и праведны, как судьи, —
становитесь вы, летние стволы,
дороже нам, чем собственные судьбы.

Я вижу небо в окнах ваших крон.
Какой бы жизнь ни стала получаться,
не нужно мне довольства — этих крох
от яств полубеды и полусчастья.

Вот почему, душа, нам не до сна.
Вот почему нечаянно, как другу,
мне на плечо суровая сосна
кладет свою натруженную руку...

* * *

А. О.

В лесу спокойно и смолисто.
Иду я по лесной тропе.
Как ярко-алые мониста,
сверкают ягоды в траве.

Я на поляне сплю далекой,
от зноя прячусь под сосной,
и ты мне кажешься дорогой,
давно сдружившейся со мной.

Здесь еж щетинится спесиво,
бьет шишек град, как из ведра.
За все, за все тебе спасибо:
за лес, за солнце, за ветра.

За тени тихую укромность,
за яркость ягод, жар хвои,
за неба летнюю огромность,
за песни грустные твои.

Пусть будут радости и ссоры,
и жизнь одна, и смерть одна.
В лесу, быть может, только совы
боятся жаркого огня.

А лес недвижим, зелен, легок,
безмолвен, строен и высок.
Нить паутины, свесясь с елок,
едва щекочет мне висок.

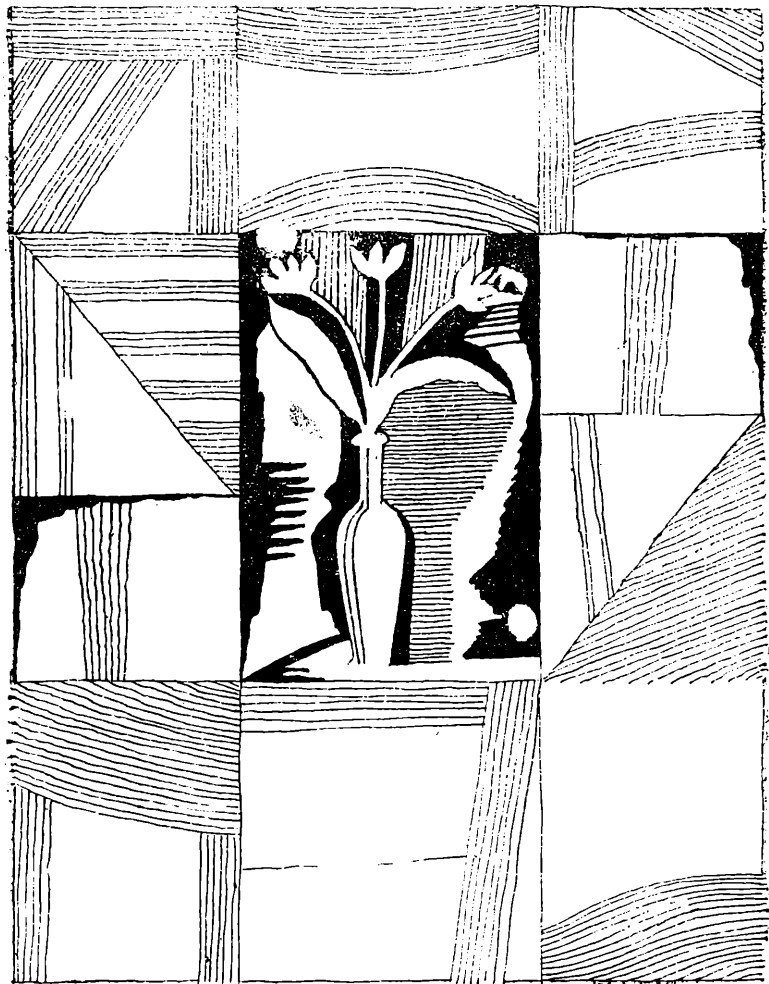
Бежит по воздуху сорока,
и облака текут, паря.
А там — поля. А там — дорога.
И снова — ровные поля...

ОБРАЩЕНИЕ

К МАЮ

СТИХИ

1962 - 1966

* * *

Картофельное поле.
Съедобное гнилье.
Победа будет после.
Три года до нее.

Пустуют в хатах клуни.
От урожайных лет
в земле остались клубни,
насущенные, как хлеб.

Харчей не покупаем.
Себя не продаем.
Картошечку копаем
и варке предаем.

Недолго ей вариться.
Мороз ее сварил.
Кипи, кипи, водица,
чтоб голод не свалил.

Сейчас посолим круто.
Начнем картошку есть.
И танки есть у Круппа,
и самолеты есть.

А видел он то поле,
где голо и мертво?
Победа будет после.
Но наша — не его...

* * *

О чем печалюсь я — навеселе?
Идут года, не оставляя следа.
И есть ли это сердце на земле,
для сердца не жалеющее света?

Гремят ключи в замках жилых систем.
Над трубами восходят кольца дыма.
Как одиноко в мире наших стен
и как их немота необходима!

Но выбор сделан. Кончена игра.
Настало время жить, не отвлекаясь.
Пусть входит боль мне в сердце, как игла.
Так и должно быть. Я ни в чем не каюсь...

* * *

Покуда можно было ждать
И опыта не знала смелость,
Я принимал как благодать
И немоту, и неумелость.

Но так все сдвинулось в судьбе,
Такая кладь легла на плечи,
Что никому, как сам себе,
Я не прощу фальшивой речи.

И властно двигает вперед
Навеки избранное дело,
И зрелость строгая берет
Все то, чем юность не владела.

И чаша возраста горька,
И край пути себя не прячет.
И у питейного ларька
Хочет пьяница и плачет...

ЦЕНА

Да, кроме перьев, кроме
бумаги и чернил,
все это стоит крови —
что в жизни сочинил.

О горькое отмщенье,
мне кажется, что ты
не с музами общенье,
а крик до немоты.

Пусть так и остается.
Душа на полпути
со мною расстается,
чтоб в слово перейти...

* * *

Было жизни с лихвой,
и ребячество все убывало,
но свиданья с листвою
до сих пор — в первый раз, как бывало,

Там, где я был рожден,
когда звезды в ночи пропадали,
се желтым дождем
на меня сентябри опадали.

Проходила зима.
Удлинялись апрельские тени.
И сводило с ума
всероссийской листвы шелестенье.

Гул войны настигал,
но и то слышал мертвый над Волгой,
как он рос, не стихал —
этот голос протяжный и долгий.

Не припомню, хоть режь,
на виду какой дали щемящей
я открыл тебя, речь
растревоженной роци шумящей.

Разложу ль по местам,
расскажу ль перед смертью стихами,
как в грозу по листьям
торопливые капли стекали?

Да простят мне леса —
острова торжествующей флоры,
что в мои-то лета
я подслушивал их разговоры!

Оправданья мне нет.
Мне платить им пожизненной данью.
У кукушки сто лет
попрошу:

— Нагадай оправданье! . .

Веки смежаю к реснице ресница.
Сердцу сегодня тесно во мне.
Может быть, дом далекий приснится,
звезды в днепровской вспыхнут волне.

И, пораженный сна оборотом,
ночью увижу я, малоросс,
двор и калитку, сад с огородом,
много черешен и мало роз.

Жизнью, дыханием, каждым нервом
вновь ощущаю, младший в роду:
детство окончилось в сорок первом,
оборвалось на восьмом году.

Книжки, рогатка, нотная папка,
душные вьюги от пелены
пуха в тиши тополиного парка
четвертью века отделены.

Только, как прежде, близки до боли
желтые пляжи и речь друзей,
старые пушки, скифские боги,
что стерегут городской музей.

Слышу знакомой работы скрежет.
Думаю с грустью порой о том,
как беззаботный бульдозер срежет
одноэтажный ненужный дом.

Что же — утешусь последним правом,
мысленно к давним вернусь местам,
к отчим могилам и свежим травам,
детским оплошностям и мечтам.

С честью приду и приду с повинной.
Сердце тебе принесу в горсти,
кров постоянный, город полынный,
выслушай, руку подай; прости...

* * *

Поля не знают, что они поля;
и полевой дороге не морока
не знать о том, что имя ей дорога; —
петляет, под колесами пыли.

О назначенье говорящих крон
не помышляют темные деревья.
Шумят они, исполнены доверья,
и одинокий осеняют кров.

От щедрости своей несет река
тебя, рассвет, качающийся утло;
Не оскорби ж доверчивости утра,
попешности бездумная рука!

Я следовать старался тишине,
и шелесту листвы, и вешним водам
и слушал, как упорно год за годом
ты зрело, бескорыстие, во мне.

Смотрели хмуρο тучи из-под век.
И кроме пенья птиц и солнца, кроме
всего, чем живы люди, запах крови
ты приносил в дома, практичный век.

Ты грозные забавы затевал
и временность расчетливую славил.

И все-таки ведь я с тобою сладил
тем, что пример меня не задевал.

Зачем вы существуете, стихи?
Зачем луной украшен звездный вечер?
Зачем цветет акация, а ветер
без привязи гуляет по степи?

Добро не может душу не задеть,
воплощено в улыбку, ливень, колос.
И если есть у человека голос,
то человек не может не запеть.

* * *

Хвораю. Пауз лишена,
бессонниц музыка, исчезни!
Утраченная тишина —
название моей болезни.
Что ночь ближайшая таит?
Я помню, как во мне звучало:
стихии противостоят
души разумное начало.
Пришедший с тишиной на свет,
я убеждаюсь, что отныне
во мне ее покоя нет.
И мать печалится о сыне.
Грустит — господь не приведи,
ласкает добрыми руками.
Что ей скажу, когда в груди
эпоха движется рывками?
И чей-то беззащитный крик,
и чьи-то слезы и упреки,

и неосуществленных книг
предполагаемые строки —
все это слышу я в себе,
склонившись над стопой бумажной.
Завидуй же такой судьбе,
любитель трудностей отважный!
А ты во имя той любви,
что сквозь года ведет упрямо,
на жизнь и смерть благослови
своею тишиною, мама!..

* * *

Прозрачные ночи. Кануны
великих и малых начал.
Немые огромные луны
плывут в облаках по ночам.

Текут по бревенчатым дачам,
по землям нездешних широт.
И даже рассвет озадачен
и, медля, стоит у ворот.

Ступают по лицам и платьям,
по рощам, листву серебра.
Не слишком ли много им платим
по мирным счетам сентября?

А сердце стучится, стучится.
И ты уже вовсе не юн.
Что может назавтра случиться
в бесстрастном стечении лун?

И долго не спится на сене,
и сны пробужденья таят.
Какие еще потрясенья
тебе и земле предстоят?

Покой, что сейчас тебе дорог, —
и дальних селений покой.
И в бочке уран, а не порох.
И та же свеча под рукой.

Отсюда понятий смещенье.
Достаточно мыслей в ночи,
чтоб лунное спутать свеченье
с безумным свеченьем свечи.

В глуши, на окраине лета,
как сторож, заброшенный в тишь,
ты чувствуешь близость рассвета
и, веки смыкая, не спишь. . .

* * *

В. Леоновичу

Опять декабрь. Морозно на дворе.
Белеют снежных сучьев сочлененья.
И можно на оконном серебре
чертить досужим пальцем сочиненья.

Держалась ясность несколько недель.
На льду горело солнца отраженье.
А вот вчера ударила метель,
чтоб подхлестнуть тебя, воображенье!

Над кровлями метнулся дым из труб,
и фонари под ветром закачало.
И вновь меня подвигнуло на труд
неясное душевное начало.

Что память сберегает до поры?
Военных зарев отсветы косые,
уроки детства, юности дары —
жизнь одиночки под звездой России.

Высокой речи требует предмет,
нельстивого, несуетного слога,
суждений независимых — примет,
естественных для Пушкина и Блока.

Я ощущаю возраст свой остро,
и потому в безвыходной отваге
торопится свободное перо
по свежему раздолию бумаги.

И старая надежда греет грудь,
когда к чернилам льнет скрипун железный;
быть может, я смогу окончить путь,
оставив след, сердцам небезполезный.

А за окошком снега пелена,
и я зову тебя без долгих сборов
прийти ко мне для крепкого вина,
живых стихов и смелых разговоров.

И пусть метель совсем укроет дом
и ночь скует безропотные воды, —
как в юности, мы время проведем,
дыша морозным воздухом свободы.

* * *

Над водой играют радиолы,
создают веселье и уют,
белые летают «метеоры»,
катера и ялики снуют.

Вот в потешный рейс отходит судно.
Я на верхней палубе сижу.
Обо всем, что буднично и скудно,
по-иному мыслю и сужу.

Миновали окон многократность,
кладбище и церковь под горой
и к твоим причалам, бухта Радость,
подошли полуночной порой.

В тишине стоят под небом воды.
Пена набегает на песок.
Властный воздух силы и свободы
ударяет смертному в висок.

Столько здесь спокойствия и воли,
так необычаен берег весь,
что сдавило сердце мне до боли
от желания остаться здесь.

Но уже во мраке остаются
павильоны пляжной полосы.
Почему так редко достаются
нам такие летние часы?

Ведь и не вчера закон осознан
и в умах возвышенных решен,
будто человек для счастья создан.
Почему не часто счастлив он?

На борту звенят протяжно склянки.
Двигатели убавляют ход.
Плавно к дебаркадеру стоянки
пристает мой прыткий пароход. . .

* * *

А время-то скоро проходит, но та же
в дни стужи и летней поры
проходит по жизни Наташа, Наташа —
сестра моей юной поры.

Мы виделись часто, а видимся редко.
Мы пишем в своих дневниках:
мол, счастье, наверно, та самая репка,
что вырвать не можем никак.

Не мы посадили, и вырвут другие.
Но только, все так же чисты,
зачем они снятся мне — те дорогие,
простые, как сердце, черты?

Известно, как это бывает на свете.
Крылато любовь говорит.
Но только сначала горят ее свечи.
Потом керосинка горит.

Коптит себе знай да виски обжигает,
На пальцах укусы иглы.
А женщина борется и обживает
другие миры и углы.

А поиск идет, продолжается поиск,
Мы прежние песни поем.

А годы — исканий нагруженный поезд —
идут и идут на подъем.

Наташа, уже не застольным знакомым —
ведем мы приятелям счет,
и возраст иные диктует законы,
и время нам щеки сечет.

Но лишь опускается слабости облак,
вися над моей головой,
я вновь вспоминаю твой голос и облик
в чаду толчеи деловой.

Они наплывают туманно, нечетко.
И снова, как будто с горы,
ты сходишь на помощь, богиня, девчонка,
сестра моей лучшей поры. . .

КОЛОМЕНСКОЕ

Журчит несмелая весна.
Черны деревья и овраги.
И лишь, как прежде, белизна
не сходит со страниц бумаги.

Течет ночная темнота.
Светила в реку смотрят прямо.
Объемлет душу немота
камней коломенского храма.

В их памяти отрады нет,
как нет жестокого и злого.
Свидетель непосильных лет
не волен молвить людям слово.

Равно и оттиск каблука,
и след лаптей туман окутал.
И лишь, как прежде, облака
все ударяются о купол.

К чему вершить поспешный суд
в волнах единого потока?
Былого колокольный гуд
чужд разумению потомка.

Разноголосье тех эпох
таит все переживший гений —
невозмутимый этот мох,
ряд этих сумрачных ступеней.

Свежа трехдневная трава,
опровергающая годы.
И лишь похожие слова
никак не вырву у природы...

ДЕТСКИЕ РИСУНКИ

На детские рисунки
гляжу я, не дыша.
В них нет еще рассудка —
трепещет в них душа.

В их вдохновенье сильным,
понятном мне без слов,
медведь бывает синим,
волк желтым,
красным слон.

Бывают с лошады мухи.
В глазах они рябят.
О творческие муки
художников-ребят!

Все это мне знакомо.
И сам во власти я
всеобщего закона
искусства без вранья.

Труд над рисунком краток.
И весь ребячий свет
первейшею из красок
считает красный цвет.

Им мало что понятно
в их годы на земле,
но красные те пятна
кричат о главном мне.

А то, что слон не серый
и чайка не бела, —
на это ты не сетуй.
Все это не беда!

* * *

При своих далеких братьях,
втайне склонные к мечтам,
ходят луны в белых платьях
по неведомым местам.

На дворе бушует лето.
В речке высохла вода.

И кукушка в дебрях леса
прочит долгие года.

Заросли дворы пустые.
До колен встает трава.
Говори свои простые
необычные слова.

От деревьев пышет жаром.
В окна ломаются миры.
И скрестили жало с жалом
удалые комары.

Пир природы, но при этом,
надвигаясь, как мираж,
тишина граничит с бредом.
Слышно, как ползет мураш.

Вздохи полночи грудные,
ощутимые едва.
Говори свои родные
беззаботные слова.

Так надменна эта полночь,
безучастна и строга,
что зовет тебя на помощь
одинокая строка.

Звезд удары ножевые.
Жизни полная глава.
Говори свои живые,
животворные слова!

ОСЕНЬ

Пустынной осени черты.
Последних трав скудые всходы.
В огне закаты и восходы.
И дали ровные чисты.

То, что горело, отожгло.
Сменила стужа время зноя.
И все минутное и злое
куда-то вовсе отошло.

На зелень редкую лугов
слетает робкий снег без края.
И я тебя благословляю
за позднюю твою любовь.

Благодарю за доброту.
В твоих глазах и сердце светлом
и в соснах, говорящих с ветром,
я снова силу обрету.

Спасибо, осень, за слова,
которые ты шепчешь утром.
Простор земли открыт и убран.
В полях не встретишь ни снопа.

Пора приняться за дела:
Мир постижим, как в годы детства.
Рассудок ясен.
Время действий.
Бумага жадная бела...

Среди июльской тишины,
себя не слыша,
дрожат ступеньки, край стены
и крыша.

Холодной пещки кирпичи
и дверцы шкапа —
все содрогается в ночи
от храпа.

Храпит усталый человек,
и мало горя.
Он тридцать речек пересек,
три моря.

По зову долга, ремесла
блуждал, скитался
и отделить добро от зла
пытался.

Прошел он две больших войны
по краю смерти,
и сон разрушить не вольны
и черти.

Под черным пологом ветвей
густой рябины
греми, правдивый соловей
судьбины!

Вдохни всей грудью кислород
и запах лета.
Пусть слушает тебя народ
до света.

Ты с мирозданием вдвоем.
На резкость лада
ворчать в отечестве твоём
не надо.

Бьет потрясенная луна
тебе в ресницы.
Узнать торопится она:
что снится?..

В ДОРОГЕ

За спиной осталась мешанина
хвойных видов, лиственных пород
в миг, когда послушная машина
вышла на пологий поворот.

И явились взору постепенно
белые, как зимняя заря,
башни островерхие и стены,
камни и цветы монастыря.

А еще увидел я старуху.
Рядом с той обителью, одна,
протянув морщинистую руку,
кланялась безмолвию она.

Ни о чем проезжих не просила,
словно погрузилась в забытье.
Как я мог подумать, что Россия
старше трудной памяти ее?

За ее обиды и тревоги
уплати ей внуками, страна,
щедрыми, как поле при дороге,
на котором молится она...

АСЕЕВ

БолеЛ Асеев. Чуб его белел.
Старел Ассев. Быть умел ворчливым.
Всю жизнь болеЛ. Поэзией болеЛ.
Хотел, чтобы хорошее прочли вы.
Но всякое несли ему порой.
Он выгонял. Но приходили снова.
Он открывал, когда звучал пароль —
поэзии

    произительное

        слово.

Тогда он разговоры заводил
в отместку терапии, хирургии,
как несколько их было, заводил:
Владимир Маяковский,

        он,

        другие.

Халтуры не прощал. Не обещал
за трудный этот труд златые горы.
Поэзией болеЛ и завещал
хранить ее, как он хранил все годы.
У всех у нас сердца теперь щемят
от горечи.

        Навек умолк Асеев.

И ветры поздней осени шумят
на запад и восток,

        на юг и север.

И эта неизбежная беда —
беда влюбленных в стих десятков тысяч...
Вот и луна, бездомна и бела,
над городом проходит, в окна тычась.
Горит она безжизненным огнем,
в ноябрьских тучах без толку слоняясь.
Асеев умер.

Вспомним же о нем,
в бессонный час
над строчками
склоняясь...

* * *

Та девочка ждала меня, раздобрясь,
в часы несмелых встреч перед войной.
Прошли года, но давний детский образ
неразлучим по-прежнему со мной.

Стараюсь жить по чести, горделиво.
Не помню злобы, горестей и бед,
когда встречаю женщину где-либо,
красивую, как счастье в восемь лет.

И пусть бывает суетно и худо.
Стремленьем быт и жребий мой чернить
я не хочу ее — живое чудо —
своей случайной воле подчинить.

Лишь сердце боль внезапная проколет,
когда увижу вдруг, как налегке
неведомая женщина проходит,
безжалостно теряясь вдалеке...

ДЕРЖАВИН

Хочу Державина воспеть
за то, что со своею одой
он не торопится поспеть
за изменяющейся модой.

За то, что ночью в тишине,
в минуту внутренней тревоги
он нашептал однажды мне
слова о смерти и о божге.

На небосводе наших лет
строка Державина трепещет:
«Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет».

О божге молвил он слова
среди завистливых и лгущих:
«Я — средоточие живущих;
Черта начальна божества».

Временщиков в постелях будит
Державина могучий стих:
«Восстал всевышний божг, да судит
Земных богов во сонме их».

Писал он оды на соседство,
влюблен в Плениру и пчелу.
России громовое детство
прошло по дряхлому челу.

И, в этих-то огнях летая,
о вас пел старец молодой:
«Шекснинска стерлядь золотая
И Мозель с Зельцерской водой!»

Солдат преображенской роты,
эпикурец, крепостник —
передо мной, шагнув сквозь годы,
сегодня снова он возник:

Не зря ведь Пушкин, ликом светел,
о том, кто был ворчлив и хил,
сказал: «Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил...»

* * *

Может, снилось, как в Михайловском ветра
лес взлохматили.
Загрустил. О смерти думает с утра
и о матери.

Пусть в сугробы еще пулею не сбит.
Воля сгублена...
Как-то там Надежда Осиповна спит?
Место куплено.

Той землей бы и укрыться, — мыслит он.
Юность пройдена.
Чтобы избы. Чтобы лен со всех сторон.
Чтобы родина.

...Хмур был плотник, гроб поспешный мастера.
Сани в наледи.
Ехал Пушкин на погост монастыря —
к жизни, на люди.

Проезжал Псковщину нищую свою,
села ветхие...

А деревья близ могилы, где стою,
машут ветками.

И соседствуют светила в двести ватт
с кельей Пимена.

И терзаюсь, осознав, что виноват:
в чем же именно? ..

* * *

Под сень михайловского леса
являлся Пушкин в полутьму,
и трость из черного железа
служила спутницей ему.

Поэт особенно любил
тяжеловесность этой трости,
когда сшибал он ею грозди
зажженных осенью рябин.

И всякий раз дивился лес,
луга, окрестные именья:
— К чему такой безмерный вес?
— В дуэли надобно уменье,
чтобы не дрогнула рука
и не смутилась пистолета...

Так ошибаются поэты
во все века.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. Дмитриев. «Глядя на зимнее солнце»</i>	3
--	---

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

«Начинался быт...»	11
«Когда я вернулся домой...»	12
Объяснение	12
«Все начало зимы возвещает...»	13
В январе	14
Воспоминание о школе	15
Замоскворечье	16
«Медлительны и нелюдимы...»	17
«Полуночищает возраст...»	18
«Может, счастья и вовсе не будет...»	19
«Как пленный дух, бушует лето...»	20
Лето	21
«Стучат за лесом поезда...»	22
«Не помог семафор бесполезный...»	23
«Капель падет на подоконник...»	24
«Однозвучно поет тишина...»	25
Праздники	26
Песенка об уходящем товарище	28
«Ровесник живет в Костроме...»	29

Надпись на книге	29
Слова	30
Святые горы	31
Поэт	32
В конце весны	33
Гора	34
«Гоголь сжигает тетради...»	35
«Живописец тщедушный с бородкой...»	36
Эстрада	37
О доме	38
«Время к ночи. Солнце село...»	39
«День долог, а ночь коротка...»	39
Метель	40
«Ударили к ночи морозы...»	41
Из дневника	42
«К началу второй мировой...»	43
«Сын спокойно спит в своей кровати...»	43
Окно	44
Эскизы из истории	45
«Я должен написать о нем...»	50
«Этот порт, этот город приморский...»	51
«Буря свистел на перевале...»	52
«День завтрашний...»	52
Листопад	53
«Ночью дождь в окно стучал...»	54
«Не стерпелось и не слюбилось...»	56
«И вновь, как юнга с корабля...»	56
«Вернуться. В Сибири пожить...»	57
«Сегодня мне снилась Москва...»	58
Зимний лес	59
Бумага для заметок	60
Голос	61
Давний сон	62
«А все, что унесу с собой...»	63

ЗАПСІБ

На Восток!	67
В дороге	68
Дружба	69
Путеукладчик	70
Гитара	71
Ночь на Томи	73
Вагоны весны	74
«Мысли мне омойте, грозовые линии!..»	75
«Не любому дано счастье по́иска...»	76
Береза	77
Тепляк	78
Баяны	79
Девчата	80
Свадьба	81
Танцы в клубе «Комсомолец»	82
Старый кран	83
День рождения	83
С борта самолета	84
Осень	86
Из блокнота	86
Костры	88

ЦЕНА

«Добро — незыблемая данность...»	91
«Как понимать туманы по утрам...»	92
Другу	93
Ясный полдень	94
«Меркнет детство мое, словно сон ускользающий давний...»	95
«Тебя Земля к груди прижала...»	95
«Снова снятся и видятся...»	96
«Осень под Севастополем...»	97

Усыпальница адмиралов	97
«Воспоминаний поша тяжела...»	98
Тридцать лет	99
Плач по старшим братьям	100
«Люблю читать военные стихи...»	101
Три стихотворения	101
Сердце	104
«Идет неделя за неделю...»	104
«Вы помните — Поэзия...»	105
«Течет, течет моя река...»	106
«В дождевых перехлестах...»	107
Сосны	108
Простор	108
«Пусть хлынет в душу горечь...»	109
«Гремит трамвай. Снуют такси...»	110
«Осенние ночи длинны...»	111
Сан Саныч	111
Сорок первый	112
Рабочий сцены	113
«Я у соседей под копірку...»	114
Покоритель Москвы	114
Ночь в марте	115
«Очень скоро сказка сказывается...»	116
Лебеди в зоопарке	117
«Опять сверкает над Кавказом...»	117
Песенка о дождях	118
«О чем это ропщется рощице...»	119
Рассвет в городе	119
Документальный фильм Кармена	120
«Было много молний этим летом...»	121
Радуга	122
«Мы знаем, что обречено...»	122
Юг	123
Дали	124
«Теперь бы в лес, как в детстве, по грибы!...»	124
На реке	125

В лесу	126
«В лесу спокойно и смолисто...»	127

ОБРАЩЕНИЕ К МАЮ

«Картофельное поле...»	131
«О чем печалюсь я — навеселе?...»	132
«Покуда можно было ждать...»	132
Цена	133
«Было жизни с лихвой...»	133
«Веки смежаю к реснице ресница...»	135
«Поля не знают, что они поля...»	136
«Хвораю. Пауз лишена...»	137
«Прозрачные ночи. Капуны...»	138
«Опять декабрь. Морозно на дворе...»	139
«Над водой играют радиолы...»	141
«А время-то скоро проходит, но та же...»	142
Коломенское	143
Детские рисунки	144
«При своих далеких братьях...»	145
Осень	147
«Среди июльской тишины...»	148
В дороге	149
Асеев	150
«Та девочка ждала меня, раздобрысь...»	151
Державин	152
«Может, снилось, как в Михайловском ветра...»	153
«Под сень михайловского леса...»	154

Дрофенко С.
Д 75 Стихотворения. — М.: Советский писатель,
1985. — 160 с.

В стихах талантливого поэта Сергея Дрофенко (1933—1970) рассказано о жизни строителей Запсиба и московских студентов, в них размышления о русской истории, о судьбах поколения, вошедшего в жизнь в середине 50-х годов.

Д $\frac{4702010200-207}{083(02)-85}$ 175—85

ББК 84.Р7

Сергей Петрович Дрофенко
СТИХОТВОРЕНИЯ

М., «Советский писатель», 1985, 160 стр.
План выпуска 1985 г. № 175
Редактор *Е. Л. Крамов*
Худож. редактор *А. С. Томилин*
Техн. редактор *С. Л. Шереметьева*
Корректор *Б. Ш. Котг*

ИБ № 4875

Сдано в набор 28.11.84. Подписано к печати 12.05.85. А 10733. Формат 70×108^{1/16}.
Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 7,00.
Уч.-изд. л. 6,33. Тираж 10 000 экз. Заказ № 743. Цена 70 коп. Ордена Дружбы
народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воров-
ского, 11. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Крас-
ная ул., 1/3

70 к.

